

АЙЗЕК АЗИМОВ

ПРЕЛЮДИЯ
К АКАДЕМИИ

Айзек Азимов

Прелюдия к Академии

Серия «Галактическая история»

Серия «Академия», книга 1

Серия «Гроссмейстер фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158089

Прелюдия к Академии: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-181598-1

Аннотация

Молодой ученый Хари Селдон открывает алгоритмы, позволяющие математически предсказывать общественное развитие. Он называет это психоисторией. А вот для императора Клеона Первого психоистория – возможность предсказывать и направлять развитие его Галактической империи. Именно поэтому Селдон, как главный теоретик психоистории, становится самым разыскиваемым человеком в колонизированной вселенной.

Первый приквел к циклу «Академия» великого Айзека Азимова.

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	49
Глава 3	82
Глава 4	109
Глава 5	146
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Айзек Азимов

Прелюдия к Академии

Isaac Asimov

PRELUDE TO FOUNDATION

Prelude to Foundation

Copyright © 1988 by Nightfall, Inc.

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

АЙЗЕК АЗИМОВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АКАДЕМИЯ /ОСНОВАНИЕ/

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ
НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ И ИМПЕРИЯ
ВТОРАЯ АКАДЕМИЯ

АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
АКАДЕМИЯ И ЗЕМЛЯ

ISAAC ASIMOV

PRELUDE TO FOUNDATION

АЙЗЕК АЗИМОВ

**ПРЕЛЮДИЯ
К АКАДЕМИИ**

**МОСКВА
2022**

Глава 1

Математик

КЛЕОН Первый – последний Император Галактики из династии Антунов. Родился в 11 988 г. ГЭ. В этом же году родился Гэри Селдон. (Считается, что дата рождения Селдона, точность которой у многих вызывает сомнения, приблизительно совпадает с датой рождения Клеона – с ним Селдон якобы познакомился вскоре после того, как впервые прибыл на Трентор.)

Заняв Имперский престол в 12 010 г. в возрасте двадцати двух лет, Клеон Первый правил Империей в промежуток времени, отличавшийся удивительным затишьем. Учитывая, сколь тревожны были времена, предшествовавшие воцарению Клеона, мир и спокойствие, отличавшие срок пребывания монарха на престоле, несомненно, стоит приписать его ловкому и умелому секретарю, Эдо Демерзелю, который столь старательно избегал упоминаний своего имени и деяний в прессе, что достоверных сведений о нем сохранилось крайне мало.

Сам же Клеон...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ¹

¹ Все приводимые цитаты из Галактической энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. АЭ Издательством Галактической

подавив зевок, Клеон проговорил:

– Скажи, Демерзель, ты случайно не слыхал о человеке по имени Гэри Селдон?

Клеон царствовал уже более десяти лет и порой, в особо важных случаях, облаченный в парадные одежды и при всех регалиях, ухитрялся-таки производить впечатление могущественного правителя. Ну, например, такого, каким выглядел на голографическом изображении, что красовалось в нише стены у него за спиной. Располагалось оно так, чтобы производить как можно более выгодное по сравнению с фигурами предков Клеона, скромно разместившимися в других нишах, впечатление.

Изображение, надо сказать, не совсем соответствовало действительности. Каштановые волосы Императора на деле были не такими густыми; правый уголок верхней губы был опущен, а левый приподнят. Непонятно, с какой стати, однако эти досадные мелочи в изображении отсутствовали. Вдобавок, если бы Император встал рядом со своей статуей, рост которой составлял один метр восемьдесят три сантиметра, сразу стало бы заметно, что живой Клеон сантиметра на два ниже и не такой уж стройный.

Но изображение сделали тогда, когда Клеон еще толь-

ко-только короновался, а в ту пору он был моложе. Он и теперь выглядел довольно-таки молодо, был красив, а в часы, свободные от официальных церемоний, лицо его порой озарялось человеческой добротой и мягкостью.

Демерзель с подчеркнутой вежливостью и уважением ответил:

– Гэри Селдон? Это имя, сир, мне незнакомо. Следует ли им заинтересоваться?

– Вчера вечером мне о нем рассказал министр науки. Вот я и подумал, что и ты, может, что-нибудь слышал.

Демерзель слегка нахмурился, едва заметно – поскольку хмуриться в присутствии Императора не дозволялось никому.

– Министру науки, сир, следовало бы прежде всего сообщить об этом человеке *мне* как Государственному секретарю. Да если каждый министр примется заваливать вас сообщениями...

Клеон приподнял руку, и Демерзель сразу же умолк.

– Ну-ну, Демерзель, порой можно пренебречь формальностями. Просто я столкнулся с министром на вчерашнем приеме, и стоило мне только сказать ему пару слов, как его понесло. Не мог же я оборвать его, сам посуди. И знаешь, я не пожалел: то, что он рассказал, показалось мне довольно забавным.

– В каком роде забавным, сир?

– Ну, видишь ли, старые добрые времена, когда науки,

и математика в частности, расцветали, давно канули в небытие. Может быть, все открытия уже совершены, как ты думаешь? И все-таки что-то интересное, оказывается, может случиться. По крайней мере, меня уверили, что это интересно, скажем так.

– Сир, министр науки вас уверил?

– Да. Он сказал мне, что Гэри Селдон выступил на конгрессе математиков здесь, на Тренторе, – они вроде бы зачем-то устраивают эти конгрессы каждые десять лет. Ну, так вот, он сказал мне, будто бы Селдон доказал, что можно предсказывать будущее – математически.

Демерзель позволил себе усмехнуться:

– Думаю, либо министр науки, как человек не слишком осведомленный, ошибается, либо же ошибается этот математик. Предсказание будущего – детские сказочки.

– Ты так думаешь, Демерзель? А ведь люди в такое верят.

– Люди много во что верят, сир.

– Однако раз они верят в *такое*, какая разница, верны ли предсказания? Если этот математик сумеет предсказать мое долгое и счастливое правление, и мир, и процветание Империи – хм-м-м... что тут дурного, спрашивается?

– Услышать такое предсказание приятно, спору нет, но что это даст, вот вопрос, сир?

– Что даст? Очень многое! Главное, чтобы народ поверил, вот и все. Масса пророчеств сбывалась только оттого, что в них верили. Назовем их «самосбывающимися проро-

чествами». Не ты ли, кстати, сам мне это и втолковал в свое время?

– Пожалуй, что я, сир, – согласился Демерзель. Он не спускал глаз с Императора, прикидывая, стоит ли встретить или, наоборот, дать монарху выговориться. – Но, если так, в пророки можно избрать кого угодно.

– О Демерзель, уверяю тебя, поверят далеко не всякому. А вот математика, который смог бы подтвердить свое пророчество кучей формул и снабдить его мудреной терминологией, вряд ли кто поймет, зато уж поверит ему, без сомнения, любой.

– Сир, – Демерзель почтительно наклонил голову, – в здравом смысле вам, как всегда, нет равных. Мы живем в тревожное время, и нет ничего более разумного, как превратить его в более спокойное, не прибегая при этом ни к деньгам, ни к оружию, – подобные попытки в прошлом ничего хорошего не принесли, скорее наоборот.

– Вот именно, Демерзель, – довольно кивнул Император. – Заполучи же этого Гэри Селдона. Ты не раз уверял меня в том, что в твоих руках все ниточки нашего мятущегося мира – даже такие, за какие я не в силах потянуть. Так потяни же за них и найди этого математика. Приведи его ко мне.

– Слушаюсь и повинуюсь, сир, – сказал Демерзель, который на самом деле уже положил глаз на Селдона и мысленно возблагодарил министра науки за то, что тот сделал работу за него.

Гэри Селдон в ту пору не производил сколько-нибудь внушительного впечатления. Он находился в том же возрасте, что и Император Клеон, – им обоим было по тридцать два; ростом Селдон вышел не слишком – метр семьдесят три сантиметра. Гладкая кожа, улыбочивое лицо, темные, почти черные волосы. По манере одеваться в нем безошибочно угадывался провинциал.

Впоследствии всякий, кому Гэри Селдон был известен не иначе как мифический полубог, легендарный герой, считал бы поистине святотатственным предложение представить этого человека без благородных седин, морщин глубокой старости на лице, озаренном мудрой улыбкой, без инвалидного кресла. И, тем не менее, тогда Селдон был именно таков, каким тут описан.

От природы веселый и жизнерадостный, в эти дни он был особенно счастлив – ведь ему выпала великая честь сделать доклад на конгрессе. Это и само по себе можно было считать великой удачей, но, кроме того, его сообщение вызвало кое-какой интерес. Сам старик Остерфит кивнул ему и похвалил: «Изобретательно, молодой человек. Весьма изобретательно». В устах Остерфита это звучало едва ли не высочайшей похвалой. Лучше не придумать.

А теперь события и вообще приняли совершенно неожиданно.

данный оборот, и Селдон, откровенно говоря, сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Перед ним стоял высокий молодой человек в военной форме. На его кителе – слева на уровне груди – красовалась эмблема «Звездолет и Солнце».

– Лейтенант Альбан Веллис, – представился офицер Императорской гвардии, пряча удостоверение. – Угодно ли вам будет последовать за мной, сэр?

Он, конечно же, был вооружен. За дверью стояли еще двое гвардейцев. Селдон понимал, что выбора у него нет, несмотря на «угодно ли, однако мог же он хотя бы поинтересоваться, в чем дело!

– К Императору? – спросил он.

– Во Дворец, сэр. Мне велено доставить вас во Дворец.

– Но зачем?

– Мне не объяснили, сэр. Но дали понять, что доставить вас туда я обязан – захотите вы этого или нет.

– Но это, пожалуй, больше похоже на арест, а я ничего противозаконного вроде бы не совершал.

– Я бы все расценил несколько иначе: представьте, что вам придан почетный эскорт, – то есть все будет выглядеть именно так, если вы отправитесь со мной сейчас же, без промедления.

Селдон не стал спорить. Он только крепче сжал губы, чтобы не задавать лишних вопросов, кивнул и зашагал вперед. Никакой радости он не испытывал, пускай даже его ждала

встреча с самим Императором и имперские почести. Он был готов служить Империи – то есть мирам, ее составляющим, их спокойствию и процветанию. Империи, да, но не Императору.

Лейтенант обогнал Селдона, а двое гвардейцев пошли следом. Селдон, шагая по коридору, улыбался встречным и старался не подавать виду, что у него что-то не так. Возле гостиницы стоял правительственный автомобиль. (Селдон не смог удержаться и провел ладонью по роскошной обивке сиденья – в таких машинах ему еще ездить не доводилось.)

Автомобиль пересекал один из самых фешенебельных районов Трентора. Здесь купол был столь высок, что создавалось полное ощущение его отсутствия, и любой – даже Гэри Селдон, который родился и вырос на самой обычной, открытой планете, – мог поклясться, что никакого купола тут нет и в помине. Ни солнца, ни теней, однако все залито светом, а воздух – свеж и прозрачен.

Но скоро все переменялось, купол стал ниже, стены – ближе, и автомобиль понесся по закрытому туннелю, стены которого время от времени украшали «звездолеты и солнца». Селдон решил, что его везут, скорее всего, по трассе, предназначенной исключительно для высокопоставленных персон.

Но вот туннель закончился. Отъехала вбок массивная дверь, и автомобиль выехал на открытое пространство – по-настоящему открытое, что правда, то правда. На Тренторе существовал единственный островок земли, не спрятанной

под куполом, – двести пятьдесят квадратных километров. Тут стоял Дворец Императора. Селдон давно мечтал попасть на этот островок, но не из-за Дворца, конечно, а из-за того, что, кроме Дворца, здесь располагался также и Имперский Университет, а самое главное – Галактическая Библиотека.

Но вот что удивительно: покинув законсервированный мир Трентора и оказавшись там, где рос лес и раскинулись парки, он увидел небо, подернутое тучами, и поежился от холодного ветра. Селдон нажал кнопку и закрыл боковое стекло.

Погода стояла неважная.

3

Селдон и не надеялся увидеть Императора. Наверняка, в лучшем случае, его ожидала встреча с каким-нибудь вельможей из четвертого или пятого эшелона власти – из тех, кому позволено говорить от имени Императора.

Ведь, по сути дела, многим ли из людей довелось видеть Императора? Видеть воочию, а не на экране головизора? Кто видел его своими глазами, живого – такого, какого можно пощупать, того Императора, что никогда не покидал своего островка, по которому теперь автомобиль вез Селдона?

Таких людей, скорее всего, можно было пересчитать по пальцам. Двадцать пять миллионов обитаемых миров, а в каждом из них – по миллиарду жителей, а то и побольше,

и скольким же из квадриллионов обитателей Галактической Империи посчастливилось – или могло посчастливиться – лицезреть живого Императора? Ну, скольким же? Тысяче?

Впрочем, кого это заботило? Ведь Император был не более чем символом Империи, таким же примерно, как «Звездолет и Солнце», но еще менее осязаемым, еще менее реальным. Империя теперь ни для кого не означала ничего, кроме солдат и чиновников, что кишели повсюду и расплодились в таком невероятном количестве, что люди стонали от этого непосильного бремени, взваленного на их плечи. Для народа они и были Империей – они, а не Император.

Поэтому, когда Селдона провели в небольшую, со вкусом обставленную комнату, где его ожидал довольно молодой мужчина, что сидел на краешке стола, небрежно покачивая ногой, он не на шутку удивился – уж больно дружелюбно выглядел этот чиновник. А ведь у Селдона уже не раз была возможность убедиться в том, что все высокопоставленные вельможи – а особенно тут, в цитадели Империи, – как на подбор угрюмы и выглядят такими усталыми, словно именно на их плечах лежит тяжкий груз всех без исключения имперских забот и тягот. И при этом, что интересно, чем ниже рангом был чиновник, тем угрюмее и суровее взирал на посетителя.

Стало быть, этот чиновник добрался до таких заоблачных высот иерархической лестницы, где светило власти так согрело его своими ласковыми лучами, что ему не было ника-

кой охоты омрачать их сияние и напускать на себя тучи зловещей суровости.

Селдон толком не понимал, как следует себя вести, а потому решил, что для начала лучше будет помолчать – пусть тот, кто звал его, заговорит первым.

И молодой человек заговорил.

– Вы – Гэри Селдон, как я понимаю, – сказал он. – Математик.

Селдон ответил коротко:

– Да, сэр, – и стал ждать нового вопроса.

Молодой человек небрежно помахал рукой:

– Следовало бы не «сэр», а «сир», только я терпеть не могу церемоний. У меня в жизни нет ничего, кроме церемоний, и я от них порядком устал. Мы с вами наедине, так что я с удовольствием расслаблюсь. Садитесь, профессор.

С трудом веря собственным ушам, Селдон понял-таки, что перед ним Император Клеон Первый, собственной персоной, и изрядно оробел. Теперь, приглядевшись получше, он, пожалуй, уловил некоторое сходство между своим собеседником и тем Клеоном, которого постоянно показывали в выпусках новостей. Но в головизионных роликах Клеон казался совсем другим: всегда при параде, выше, благороднее, с каменным лицом.

А тут – на тебе, живой оригинал, совсем обычный человек.

Селдон не в силах был пошевелиться.

Император слегка нахмурился и, как человек, настолько привыкший повелевать, что не умел отбросить эту привычку даже тогда, когда искренне старался разыгрывать демократа, недовольно проговорил:

– Я же сказал, садитесь. Вот сюда. И побыстрее.

Селдон, не говоря ни слова, сел. Даже «да, сир» он при всем желании выговорить не мог.

Клеон улыбнулся:

– Так-то лучше. Теперь мы сможем поговорить по-человечески, а ведь оно так и есть, если отбросить официоз, а?

Селдон осторожно отозвался:

– Если Ваше Императорское Величество говорит, что это так, значит, так оно и есть.

– О, ну не надо этих реверансов, профессор. Мне бы хотелось побеседовать с вами запросто, на равных. Так мне было бы приятнее. Ну же, веселее, не стесняйтесь.

– Хорошо, сир.

– Ну, опять... «хорошо» – и все, больше ничего не надо. Как же мне вас раскатать, ума не приложу?

Клеон смотрел на Селдона, и взгляд его показался Селдону лукавым и заинтересованным.

Наконец Император сказал:

– Знаете, а вы не похожи на математика.

Наконец-то Селдону удалось улыбнуться:

– Вот уж не знаю, как должен выглядеть математик, Ваше Имп...

Клеон предостерегающе поднял руку, и Селдон умолк на полуслове.

– Ну, наверное, математик должен быть седым, – прищурился Клеон, – седым, бородатым. Словом, обязательно стариком.

– Но ведь и математики когда-то бывают молоды.

– Да, но это тогда, когда о них никто не знает. А к тому времени, когда математиков знает вся Галактика, они именно таковы, как я сказал.

– Боюсь, у меня пока нет никаких заслуг.

– И, тем не менее, вы выступили на конгрессе.

– О, на конгрессе выступали многие. Кое-кто был и моложе меня. Надо сказать, там мало на кого обратили внимание.

– А вот ваш доклад привлек внимание кое-кого из моих людей. Мне сообщили, будто вы верите в возможность предсказания будущего.

Селдон огорчился. «Вот он о чем, – разочарованно подумал математик. – Все об одном и том же, и все меня понимают неправильно. Не стоило мне, наверное, вообще делать этот доклад».

– На самом деле это не совсем так, – ответил он. – Моя работа гораздо скромнее. Есть множество систем, в которых при определенных условиях течение событий принимает хаотический характер. Это означает, что даже при наличии точки отсчета результаты предсказать невозможно. Так обстоит дело даже с примитивными системами, а чем система

сложнее, тем вероятнее ее хаотическое развитие. Издревле полагали, что столь сложная система, как человеческое общество, более других систем подвержена хаосу, и, следовательно, ее развитие непредсказуемо. Моя работа, однако, позволила показать, что при изучении людского сообщества существует возможность избрать точку отсчета и за счет определенных допущений, направленных на подавление хаотичности, получить возможность прогнозировать будущее, но не в подробностях, конечно, а общо и не с уверенностью, но с рассчитанной долей вероятности.

Император, внимательно выслушав Селдона, спросил:

– Но разве это не означает, что вы показали, как предсказать будущее?

– Опять-таки не совсем так. Я показал, что это теоретически возможно, но не более того. Для того чтобы добиться большего, потребовалось бы действительно в точности определить точку отсчета, сделать вероятностные допущения, а затем найти способы произведения расчетов для конкретной эпохи. Пока я не располагаю данными о том, как это все можно было бы проделать. Но даже если бы все это удалось, в лучшем случае мы получим лишь возможность оценивать вероятности. А это далеко не то же самое, что предсказание будущего. Нет, это будут всего-навсего догадки о том, случится то-то и то-то или нет. Любой преуспевающий политик, удачливый бизнесмен, да вообще любой человек, искушенный в своем ремесле, способен таким обра-

зом оценивать будущее и делать это весьма недурно, в противном случае как бы они все преуспевали?

– Да, но они смотрят в будущее, не прибегая к математике.

– Верно. Они полагаются на интуицию.

– Следовательно, вооружившись математикой, всякий сможет точно оценивать вероятность событий. Тогда на интуиции далеко не уедешь, верно?

– Верно-то верно, но ведь я пока доказал только то, что математический анализ всего лишь возможен. Практическую сторону я не затрагивал.

– Разве может так быть, чтобы нечто было возможно, но неосуществимо на практике?

– А разве нет? Теоретически у меня есть возможность побывать во всем мире Галактики и поздороваться с каждым из живущих там людей. Но на это мне не хватит целой жизни, и, будь я даже бессмертен, все равно, я еще не успею пожать руки всем старикам, как на свет народится уйма новых детишек, а кто-то успеет умереть, пока я до него доберусь.

– С вашей математической проработкой будущего – та же история?

Селдон немного растерялся, но довольно быстро собрался с мыслями:

– Очень может быть, что математическая проработка заняла бы немислимо долгое время, даже если бы в распоряжении ученого был компьютер величиной с Галактику, работающий на гиперпространственных скоростях. К тому време-

ни, когда добьешься ответа на поставленный вопрос, пройдет достаточно много лет для того, чтобы ответ потерял всякий смысл – жизнь неизбежно внесет свои поправки.

– Но почему не упростить этот процесс? – резко спросил Клеон.

– Ваше Императорское Величество... – Селдон почувствовал необходимость перейти на официальный тон, поняв, что Император явно не в восторге от его ответов и дружелюбие правителя мало-помалу убывает. – Представьте себе способ, которым физики изучали субатомные частицы. Этих частиц – неисчислимое множество, и каждая движется или колеблется по-своему, непредсказуемо, но оказывается, в этом хаосе существует свой внутренний порядок. Так родилась квантовая механика, способная ответить на правильно поставленные вопросы. Изучая общество, мы помещаем людей на место субатомных частиц, но тут возникает дополнительный фактор – сознание человека. Частицы движутся бессмысленно, а люди – осознанно. Если же учитывать разнообразие поведения и порывов, сложность расчетов возрастает настолько, что никакого времени на них не хватит.

– Ну а у сознания не может быть такой же внутренней упорядоченности, как у бессмысленного движения частиц?

– Не исключено. Проведенные мною расчеты показывают, что порядок лежит в основе абсолютно всего, каким бы беспорядочным тот или иной процесс ни казался на первый взгляд. Но, увы, как отыскать этот внутренний порядок,

эти закономерности? Представьте себе: двадцать пять миллионов миров, каждый – со своими особенностями, традициями, культурой, каждый оригинален и не похож на другие, и в каждом – миллиарды людей, каждый из которых мыслит по-своему, и все миры взаимодействуют, и варианты этих взаимодействий поистине неисчислимы! Словом, как бы ни был в теории возможен психоисторический анализ, его практическое осуществление представляется невероятным.

– Вы сказали «психоисторический»? Что это значит?

– Я назвал теоретическую оценку вероятности будущего «психоисторией».

Император спрыгнул со стола, пересек комнату, развернулся, вернулся к столу и остановился перед Селдоном.

– Встаньте! – приказал он.

Селдон вскочил и посмотрел на Императора снизу вверх – ведь тот был немного выше ростом. Селдон нервничал, но старался не отводить взгляда.

После паузы Клеон сказал:

– Эта ваша психоистория... Если бы ее удалось осуществить на практике, польза вышла бы немалая, не так ли?

– Просто фантастическая! Знания о том, что ждет нас в будущем, пускай даже в самом обобщенном виде, стали бы новым, невиданным руководством к действию – такое средство еще никогда не попадало в руки человечества. Но, конечно же...

Селдон не договорил.

– Ну? – нетерпеливо поторопил Клеон.

– Ну... дело в том, что за исключением ограниченного числа людей, ответственных за принятие решений, результаты психоисторического анализа не должны быть известны никому.

– Никому?! – удивленно воскликнул Клеон.

– Это совершенно очевидно. Позвольте, я попытаюсь объяснить. Если психоисторический анализ будет осуществлен и результаты его станут достоянием общественности, весь спектр людских эмоций и реакций тут же нарушится. А психоисторический анализ, основанный на эмоциях и реакциях, которые должны бы проявляться *без знания* о будущем, таким образом становится бессмысленным. Понимаете?

В глазах Императора вспыхнули веселые искорки, он рассмеялся и воскликнул:

– Великолепно! – И при этом так хлопнул Селдона по плечу, что тот слегка покачнулся. – Да как же вы не понимаете? – продолжал радоваться Клеон. – Неужели не видите? Нет никакой нужды предсказывать будущее. Нужно просто выбрать подходящее будущее – приятное и полезное – и обнародовать предсказание. Тогда всяческие эмоции и реакции, которых вы так боитесь, изменятся таким образом, что предсказанное будущее непременно настанет. Не лучше ли создать радостное будущее, чем предсказывать дурное?

Селдон нахмурился:

– Я вас понял, сир, но это точно так же невозможно.

– Невозможно?

– Ну, как минимум непрактично. Не понимаете? Если нельзя взять отсчет от людских эмоций, то нельзя сделать и обратного. Нельзя вести отсчет от будущего и определять, какие именно эмоции и реакции людей к такому будущему приведут.

Клеон расстроился окончательно. Брезгливо поджав губы, он спросил:

– Ну а ваш доклад – или как там он у вас называется, – что от него толку?

– Это чистая математика. Математиков он заинтересовал, но я... у меня и в мыслях не было, что у моих выкладок может быть практическое применение.

– Просто омерзительно! – сердито буркнул Клеон.

Селдон растерянно пожал плечами. Больше всего на свете он сейчас сожалел о том, что выступил с докладом. Что с ним станется теперь, если Императору взбредет в голову, что его одурачили?

А вид у Клеона был такой, что, похоже, все к тому и шло.

– И все-таки, – недовольно продолжал Император, – что, если бы вы все же сделали предсказание будущего, с математическим подтверждением или без оно, – такой прогноз, который помог бы государственным деятелям в управлении этими самыми людскими реакциями?

– Почему я? Зачем вам я? Государственные деятели впол-

не могут справиться с таким прогнозом сами, без моей скромной помощи.

– У государственных деятелей так не получится. Они то и дело выступают со всяческими заявлениями. Им мало кто верит.

– А мне-то с какой стати должны поверить?

– Вы – математик. Вы *рассчитываете* будущее, а не проинтуи... нет, такого слова, кажется, не существует, но вы меня поняли, конечно.

– Но я не сумею сделать этого!

– А кто об этом узнает? – тихо спросил Клеон, с прищуром глядя на Селдона.

Оба молчали. Селдон понял, что угодил в западню. Получив от Императора столь недвусмысленный приказ, имел ли он право и возможность отказаться? Откажется – угодит в тюрьму, а то и на плаху. Будет суд, конечно, но на справедливость уповать нечего.

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Ничего не выйдет.

– Почему же?

– Если бы меня попросили предсказать нечто туманное, в самых общих чертах, нечто такое, что могло бы произойти уже после жизни нынешнего поколения, а может быть, и после жизни следующего, я мог бы сделать это, но, с другой стороны, кому какое будет дело до этого предсказания? Разве озаботит хоть кого-то несметное богатство и высочай-

шее наслаждение, если они отдалены на сто, на двести лет? Чтобы добиться результатов, – продолжал Селдон, – мне пришлось бы предсказывать вещи более насущного, злободневного характера, более приближенные к нашему времени. Люди способны ответить только на такого рода предсказания. Но раньше или позже, а скорее всего – раньше, нечто из предсказанного мной не сбудется, и тогда конец моей карьере прорицателя. Никто мне больше не поверит. Да и ваша популярность пошатнется. Но самое худшее – никто и никогда не отважится поверить в психоисторию как в науку, никто не станет поддерживать, даже если в будущем математикам удастся приблизить ее достижения к реальности.

Клеон опустилсЯ в кресло и с усмешкой устался на Селдона:

– И это все, на что вы, математики, способны? На то, чтобы доказывать, что то-то и то-то невозможно?

Селдон ответил тихо и обреченно:

– Но ведь это вы, сир, требуете невозможного.

– Дайте-ка, голубчик, я вас испытаю. Допустим, я бы у вас спросил, не паду ли я в один прекрасный день жертвой покушения. Что бы вы мне ответили с помощью вашей математики?

– Моя математическая система не дала бы ответа на столь конкретный вопрос даже в том случае, если бы психоистория работала на все сто. Вся квантовая механика в мире не способна предсказать поведение одного отдельного электрона –

в ее силах лишь предугадать усредненное поведение множества электронов.

– Вы лучше знаете свою математику, чем я. Ну, давайте, выдайте мне научную догадку. Так убьют меня или нет?

Селдон тихо проговорил:

– Это ловушка, сир. Либо скажите мне, какого ответа вы от меня хотите, и я вам дам его, либо позвольте говорить свободно, но обещайте, что я останусь цел.

– Говорите, что хотите.

– Вы даете мне честное слово?

– Хотите получить подтверждение в письменном виде? – съехидничал Клеон.

– Нет-нет, что вы... Вполне довольно вашего устного заверения, – проямлил Селдон с упавшим сердцем. Он отлично понимал, что честному слову – грош цена.

– Считайте, что я дал вам честное слово.

– Ну что ж... тогда я могу сказать вам следующее: за четыре последних века более половины Императоров пали жертвой террора. Из чего я могу сделать заключение, что вероятность вашей гибели составляет приблизительно один к двум.

– Любой дурак мог бы дать такой ответ, – презрительно хмыкнул Клеон. – Тут математик не нужен.

– А я вам как раз и твержу все время, что моя математика совершенно не годится для решения практических вопросов.

– Но неужели вы даже не способны предположить, что

я, к примеру, кое-чему выучился на ошибках своих неудачливых предшественников?

Селдон сделал глубокий вдох и с воодушевлением обреченного ответил:

– Нет, сир. Вся история говорит о том, что мы не учимся на ошибках прошлого. Ну, например, вы пригласили меня на личную аудиенцию. Что, если бы я взял да и оказался террористом? Я шучу, конечно, сир, – поспешно добавил он.

Клеон невесело улыбнулся:

– Голубчик, вы просто не осведомлены о нашей проникаемости, а вероятно, и об успехах в технике, так сказать, самообороны. Нам о вас известно все до мелочей. Как только вы вошли, вас немедленно сканировали. Фотографии, запись голоса. Так что ваше эмоциональное состояние известно нам досконально. Можно даже сказать – мы прочли ваши мысли. Так что будьте уверены, будь у нас хоть малейшее сомнение в вашей благонадежности, вас бы сюда не допустили. Точнее говоря, вас уже не было бы в живых.

У Селдона закружилась голова, однако он взял себя в руки и произнес:

– Простым смертным всегда было нелегко приблизиться к Императорам, даже в те времена, когда у тех не было столь изощренной защиты. Однако почти всем покушениям предшествовали дворцовые заговоры. И именно ближайшее окружение Императора таит в себе наибольшую опасность для него. Этой угрозе никак не способно помешать са-

мое тщательное обследование посторонних. Что же касается ваших приближенных, ваших телохранителей, ваших близких, в конце концов, – к ним вы не можете относиться так, как ко мне.

– Это мне известно, – кивнул Клеон. – Во всяком случае, не хуже, чем вам. Дело в том, что я неплохо обращаюсь со своим окружением, и ни у кого нет причин для недовольства и бунтов.

– Легкомысленное... – начал было Селдон, но смутился и умолк.

– Продолжайте! – гневно воскликнул Клеон. – Я вам позволил говорить открыто. Что тут показалось вам легкомысленным?

– Я неверно выразился, сир. Простите, сорвалось. Я хотел сказать «неверное». Вы неверно относитесь к своему окружению. Вы, конечно, подозрительны; было бы странно, если бы это было не так. Неосторожно оброненное слово – ну, вот как у меня сейчас вышло, – легкомысленный жест, двусмысленное выражение лица – этого достаточно, чтобы вы посмотрели на этого человека подозрительно. Вашего подозрительного взгляда будет достаточно для того, чтобы события завертелись по порочному кругу. Ваш приближенный заметит вашу подозрительность, начнет нервничать, поведение его утратит естественность, и в конце концов либо его казнят, либо вас убьют. Именно так все обстояло с Императорами в последние четыре столетия, и, кстати говоря, это

один из признаков того, что событиями в Империи становится управлять все труднее.

– Получается, что я ничего не способен сделать, чтобы избежать покушения?

– Нет, сир, – ответил Селдон, – но, правда, вы можете оказаться удачливее своих предшественников.

Кончики пальцев Клеона барабанили по подлокотнику кресла. Наконец он сердито проговорил:

– От вас никакого толку, так же как и от вашей психоистории. Уходите.

Император отвел взгляд в сторону и как-то вдруг вмиг постарел.

– Я говорил вам, сир, что вам моя математика никакой пользы не принесет. Примите мои искренние извинения.

Селдон собрался было отвесить прощальный поклон, но в комнате внезапно появились двое охранников и увели его. Голос Клеона прозвучал вслед:

– Доставьте этого человека туда, откуда привели.

4

Войдя, Эдо Демерзель одарил Императора взглядом, исполненным подобающего преклонения.

– Сир, – проговорил он, – вы чуть было не вышли из себя.

Клеон посмотрел на Демерзеля и вымученно улыбнулся:

– Да, представьте себе. Этот человек меня ужасно разоча-

ровал.

– Понимаю, однако он не сообщил больше, чем у него есть.

– О да. Если считать, что у него ничего и не было.

– Но он ничего и не пообещал, сир.

– Да. Печально.

– Более чем печально. Этот человек – лишний козырь.

– Что-то лишнее, Демерзель? Вечно ты сыплешь непонятными поговорками. Что за козырь?

– Эту поговорку я слышал очень давно, в молодости, сир. Империя велика, и поговорок в ней великое множество. Кое-какие из них не слыхивали на Тренторе, а те, что в ходу у нас, неведомы в других мирах.

– К чему ты это говоришь? Я и без тебя знаю, что Империя велика. Ты мне объясни, что ты хотел сказать об этом человеке.

– Только то, что он способен принести немало вреда, даже не задумываясь об этом, не нарочно. Он не помышляет о том, какова его сила. Ну, не сила, так важность.

– Это твои догадки, Демерзель?

– Да, сир. Он провинциал. Он не знает Трентора и его порядков. Он никогда не бывал здесь раньше и просто не умеет вести себя как человек светский, благородно воспитанный. И все же он вел себя с достоинством, представ перед вами.

– А что тут такого? Я позволил ему говорить открыто. Отбросил весь этикет, все формальности. Обращался с ним

как с равным.

– Не совсем так, сир. Как бы вы ни старались вести себя с другими как с равными, у вас все равно не получится. Не в крови это у вас. Вы привыкли повелевать. Да расстарайся вы изо всех сил дать собеседнику возможность расслабиться, мало у кого такое выйдет. Большинство попросту утратит дар речи, а другие, что во сто раз хуже, начнут раболепствовать и растекаться мыслью по древу. Этот человек выстоял с честью, сир.

– Не знаю, не знаю... Можешь, конечно, восторгаться, Демерзель, дело твое, но мне он не понравился, – буркнул Клеон и призадумался. – Кстати, ты заметил: он даже не пытался объяснить мне эту свою математику? Как будто знал, что я ни слова не пойму.

– Но ведь вы бы и правда не поняли, сир. Вы не математик, не ученый, не художник. Есть масса областей знания, где другие знают больше вас. И их призвание состоит в том, чтобы они поставили свои знания на служение вам. Вы – Император, а это звание выше всех других, вместе взятых.

– Да? Знаешь, меня бы ни капельки не обидел намек на мое невежество, прозвучи он из уст старика, копившего свой багаж знаний долгие годы. Но этот Селдон, он же мой ровесник. Как же он ухитрился узнать так много?

– Вероятно, ему не пришлось тратить время на постижение науки повелевать и искусства достижения мудрых решений величайшей важности.

– Демерзель, честное слово, иногда мне кажется, что ты смеешься надо мной.

– Сир! – с упреком воскликнул Демерзель.

– Ладно-ладно, пустяки. Вернемся к нашему математику. Почему ты решил, что он опасен? Мне он показался всего-навсего наивным провинциалом.

– Так оно и есть. Дело не в нем самом, а в его математических наработках.

– Он утверждает, что они совершенно бесполезны.

– А вы думали, что из них можно извлечь пользу, правда? И я так подумал, когда вы мне рассказали. Так же могут подумать и другие. И сам математик от этого не застрахован: ведь теперь эта мысль засядет у него в голове. Кто знает, вдруг он все-таки до чего-то додумается? А додумается, тогда... Вы же понимаете, что способность предсказывать будущее, пускай даже туманно и неопределенно, таит в себе величайшую власть. Даже если ему самому эта власть окажется ни к чему – знаете, попадаются среди ученых такие альтруисты, ну да я, к слову сказать, не очень в это верю, – найдутся те, кто быстренько им воспользуется.

– Я попытался. Ничего не вышло.

– Просто он пока не думал об этом. А вот теперь – кто знает? На ваши уговоры он не поддался, а вдруг его уговорит... ну, скажем... к примеру, мэр Сэтчема?

– А с чего бы это ему помогать Сэтчему, а не нам?

– Он же объяснил, что трудно прогнозировать эмоции

и поведение отдельных людей.

Клеон нахмурился и задумался.

– Так ты действительно думаешь, что он мог бы разработать свою психоисторию так, что от нее на самом деле была бы польза? Он-то уверен, что у него такое не выйдет.

– Пройдет время, и он может решить, что был не прав, отрицая такую возможность.

Клеон опять нахмурился:

– Значит, зря я его отпустил.

– Нет, сир, – покачал головой Демерзель. – Ваша интуиция не обманула вас. Отпустили – и правильно сделали. Арест, как бы его ни замаскировывать, вызвал бы у него протест, отчаяние, а человек в таком состоянии не будет способен творчески мыслить, откликаться на любые наши призывы о сотрудничестве. Гораздо разумнее было отпустить Селдона, но отныне надо держать его на невидимом поводке. Так мы сможем пронаблюдать, сир, не захватят ли его, не используют ли вам во вред ваши враги. А в нужное время, когда он разработает свою науку, можно будет потянуть за поводок и извлечь его на свет, нашего математика драгоценного. А тогда... вот тогда мы сможем вести себя более... более настойчиво.

– Ну а если кто-то из моих врагов... вернее сказать, из врагов Империи, ведь я – это и есть Империя, захватит его в свои руки, а то он и сам возжелает пойти в услужение к врагам? Пойми, я не могу сбрасывать со счетов такую возмож-

НОСТЬ.

– Правильно делаете. Но не волнуйтесь. Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло. Но уж если, несмотря на все мои старания, такое случится, будет лучше, чтобы он не достался никому, чем попал в плохие руки.

Клеону стало неловко.

– Действуй, как знаешь, Демерзель, но я очень надеюсь, что мы не станем спешить. В конце концов, он и правда, может быть, не кто иной, как кабинетный ученый, придумавший науку, от которой нет и не может быть никакого толку.

– Конечно, сир, конечно, однако гораздо разумнее будет предположить, что этот человек заслуживает того, чтобы ему уделили внимание. Что мы потеряем, если в конце концов окажется, что опасения наши напрасны? Немного времени, ничего больше. А вот если окажется, что мы проглядели фигуру величайшей важности, мы потеряем всю Галактику...

– Что ж, хорошо, пусть будет так, – кивнул Клеон, – но очень надеюсь, что ты избавишь меня от подробностей, если они окажутся не слишком приятными.

– Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

5

Весь вечер, всю ночь, все утро встреча с Императором не выходила у Селдона из головы. О том, что прошло столько времени, он мог судить лишь по смене освещенности в ко-

ридорах, на площадях и в парках Имперского сектора Трентора.

Утром Селдон удобно устроился на пластиковой скамейке в небольшом сквере. Скамейка, как только он опустился на нее, приняла очертания его тела. Судя по освещенности, было довольно рано, и воздух был прохладен ровно настолько, чтобы испытать ощущение утренней свежести, но при этом не ежиться.

Неужели здесь все время так? Он вспомнил, какой пасмурный день стоял под открытым небом вчера, когда его везли к Императору, вспомнил самые разные дни – непогожие, морозные и жаркие, дождливые и снежные – дома, на Геликоне, и подумал: скучает ли здесь кто-нибудь по капризам погоды? Ну, правда, разве не странно – посиживать на Тренторе в уютном парке при идеальной погоде и при этом взять да вдруг заскучать по пронизывающему ветру или покусывающему кожу морозцу, а то еще – по влажной духоте?

Наверное, заскучать можно. Но не в первый, не во второй и даже не на седьмой день. А ему осталось пробыть тут совсем недолго. Завтра он улетит отсюда, а пока можно и понаслаждаться прелестями искусственного климата. В конце концов, может быть, и не доведется больше побывать на Тренторе.

И все-таки ему было немного не по себе от того, что он так смело разговаривал с человеком, который, будь на то его воля, мог отдать приказ отправить в тюрьму или на казнь любо-

го – или, по крайней мере, устроить все так, чтобы человек, не пришедшийся ему по нраву, остался без средств к существованию и занимаемого положения, что, в общем-то, равноценно смерти.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Селдон поинтересовался жизнеописанием Клеона Первого. Компьютер в его гостиничном номере с готовностью предоставил ему эту информацию. Как и следовало ожидать, Селдон прочел уйму восхвалений в адрес здравствующего Императора – наверняка точно так же обстояло дело при жизни любой из царствующих особ, какой бы грязью их ни поливали впоследствии. Восхваления, естественно, оставили Селдона равнодушным, зато его очень заинтересовал тот факт, что Клеон родился во Дворце и за всю жизнь ни разу не покидал его окрестностей. Получалось, он и на самом Тренторе-то фактически не бывал и за все время своего правления не посетил ни одного из многочисленных, покрытых куполами секторов. Очень может быть, что такое затворничество имело целью сохранение жизни и безопасности монарха, но на самом деле тут откровенно пахло тем, что Император пребывал в заточении – не важно, признавался он себе в этом сам или нет. Пусть он томился в самой роскошной из всех тюрем Галактики, все равно это была тюрьма.

И хотя Император производил впечатление человека мягкосердечного и никоим образом не напоминал кровожадного тирана, каковыми были многие из его предшественников,

все равно радости от того, что его внимание устремилось на тебя, было мало, что и говорить. Поэтому Селдона приятно согревала мысль о том, что завтра он улетит на Геликон, несмотря на то что в его родном городе сейчас стояла зима, и зима, надо сказать, суровая.

Селдон запрокинул голову. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом. Никакого дождя тут, конечно, не могло быть и в помине, но не сказать, чтобы воздух был такой уж сухой. Неподалеку весело играли струи фонтана, зеленели деревья и кусты, которые, судя по всему, никогда не ведали засухи. Время от времени в кустах раздавались шуршание и шорохи – может быть, там копошились и бегали какие-то маленькие зверьки. Слышалось жужжание пчел.

Удивительно. Вся Галактика говорила о Тренторе как об искусственном мире, в котором нет ничего, кроме металла и керамики, а тут все было такое живое, настоящее...

Несмотря на ранний час, парк не был безлюден. Неподалеку расположилась довольно хорошенькая молодая женщина, но она склонилась над выюером, и Селдон не мог как следует разглядеть ее лица. Мимо прошел мужчина, бросил на Селдона короткий взгляд и, усевшись на скамейку напротив, положил ногу на ногу и углубился в чтение кипы телепринтов. На нем были облегающие розовые брюки.

Да, на Тренторе, как ни странно, мужчины предпочитали одежду пастельных тонов, а женщины, как правило, носили белое. Что ж, в таком стерильном мире, наверное, склон-

ность к ношению светлой одежды вполне оправданна. Селдон почувствовал себя не слишком ловко в своем геликонском темно-коричневом костюме. Задержись он на Тренторе (нет-нет, он не собирался задерживаться, только если бы, ему пришлось бы обзавестись подобающей одеждой, а иначе он, безусловно, привлек бы к себе массу любопытных взглядов, улыбок, а то и насмешек, не дай бог. Ну вот, пожалуйста – мужчина оторвал взгляд от телепринтов и на этот раз посмотрел на Селдона с большим любопытством. Наверняка из-за провинциального костюма.

Ну ладно, спасибо, хоть не улыбнулся. Размышлять на тему о том, что он смешон, Селдон мог сколько угодно, но уж радоваться этому вовсе не собирался.

Селдон имел возможность разглядывать своего визави совершенно открыто, поскольку тот, похоже, просматривая листки распечаток, вел какой-то безмолвный спор с невидимым противником. Вот он уже был готов заговорить вслух, потом призадумался и вскоре опять собрался разразиться какими-то доводами... Селдон смотрел и гадал, чем же кончится эта безмолвная перебранка.

Он внимательно разглядывал мужчину. Тот был высокого роста, спортивного, пожалуй, даже атлетического телосложения – широкие плечи и ни малейших признаков полноты. Волосы у него были темно-русые, местами выгоревшие, лицо незнакомца было гладко выбрито, казалось немного печальным, но производило впечатление внутренней силы. Немно-

го грубоватое лицо – приятное, но уж никак не «милое».

К тому времени, когда незнакомец не то проиграл, не то выиграл молчаливую битву с самим собой, отложил листки и взглянул на Селдона, Селдон решил, что этот человек ему нравится.

Тот сказал:

– Прошу прощения, вы случайно не присутствовали на последнем конгрессе? На математическом?

– Присутствовал, – кивнул Селдон.

– А, значит, я вас там и видел. Я вас сразу узнал, вот и сел напротив. Простите, если помешал...

– Вовсе нет. Я совершенно свободен.

– Позвольте, я угадаю. Вы – профессор Селдон.

– Селдон. Гэри Селдон. Угадали точно. А вы?

– Четтер Челвик, – ответил мужчина и немного смутился. – Вы уж извините, имечко у меня доморощенное, местное.

– Я и правда до сих пор не знавал ни одного Четтера, – улыбнулся Селдон. – И Челвиков тоже как-то не попадалось. Стало быть, вы в своем роде человек уникальный. Знаете, а ведь это лучше, чем затеряться, как я, среди бесконечных Гэри. Жутко распространенное имя. Не говоря уже о Селдонах.

Селдон приподнял свою скамейку и придвинул поближе к Челвику. Керамоидный гравий мягко захрустел.

– Я как раз не прочь потолковать о местных обычаях, –

негромко проговорил Селдон. – Скажите, я очень нелепо выгляжу в своем провинциальном наряде? Знаете, как-то и в голову не приходило, что нужно обзавестись тренторианским гардеробом.

– Ну, так купили бы, – пожал плечами Челвик, вежливо, но смущенно оглядев одежду Селдона.

– Да ведь я завтра уже улетаю, и потом... мне это не по карману. Знаете, математики порой имеют дело с колоссальными числами, но эти числа не имеют никакого отношения к их доходам. А вы, видимо, тоже математик, Челвик.

– Я? Что вы! Ни малейших способностей. Полный профан.

– О... – разочарованно протянул Селдон. – А вы сказали, что видели меня на Декадном конгрессе.

– Я там присутствовал в качестве наблюдателя. Я журналист.

Для вящей убедительности он помахал пачкой телепринтов и, похоже, сам немало удивившись, что листки до сих пор у него в руке, свернул их и спрятал в карман куртки.

– Я собираю материал для выпусков головизионных новостей. Честно говоря, – добавил он, немного помолчав, – надоело это мне порядком.

– Работа надоела?

Челвик кивнул:

– Надоело собирать в одну кучу бесконечную ерунду из всех миров. Ненавижу это вечное качение по наклонной

плоскости.

Он прищурился и посмотрел на Селдона в упор.

– Но бывают и исключения. Вот, к примеру, я слышал, будто вас видели в компании с Императорскими гвардейцами, которые вас вроде бы сопровождали во Дворец. Может, вам и Императора повидать довелось, а?

Улыбка моментально исчезла с лица Селдона.

– Даже если бы это действительно произошло, вряд ли бы я стал болтать об этой встрече с тем, кто потом выложит это в новостях.

– Нет-нет, при чем тут новости? Вы, судя по всему, не в курсе, Селдон, ну а я вас просвещу. Первое правило игры в новости заключается в том, что об Императоре и его ближайшем окружении никогда, ни при каких обстоятельствах не говорится ничего, кроме того, на что дается высочайшее официальное разрешение. И это, конечно, глубочайшее заблуждение, поскольку вечно расползаются слухи, а слухи всегда хуже, чем правда. Но дело обстоит именно так.

– Но если вы не сможете ничего опубликовать, обнародовать, зачем же вы меня спрашиваете?

– Из любопытства. Только из любопытства. Уж вы мне поверьте, я по работе узнаю намного, намного больше, чем узнают зрители выпусков новостей. Дайте-ка я еще разок угадаю... я не слишком внимательно слушал ваш доклад, но понял, что вы говорили о возможности предсказания будущего.

Селдон покачал головой и пробормотал:

– И зря говорил...

– Простите?

– Да нет, ничего.

– Ну так вот... – как ни в чем не бывало продолжил Челвик, – предсказание будущего, точное предсказание, я хочу сказать, наверняка заинтересовало бы Императора, да и любого из правительственной верхушки. Отсюда я делаю вывод, что Клеон Первый, и пока единственный, пожелал потолковать с вами об этом и спросил вас, не сделаете ли вы для него пару-тройку предсказаний.

Селдон отрезал:

– Я не желаю говорить на эту тему.

Челвик слегка пожал плечами:

– Наверняка там был и Эдо Демерзель.

– Кто?

– А вы про Эдо Демерзеля ничего не знаете?

– И не слышал этого имени никогда.

– Демерзель – второе «я» Клеона, мозг Клеона, злой дух Клеона. Называть его можно по-всякому, но не дай бог – вслух, а то... Словом, он должен был там быть.

Селдон явно не знал, что ответить, и Челвик помог ему:

– Ну, вы его, может быть, и не видели, но он точно там был. А уж если он думает, что вы умеете предсказывать будущее...

– Да не умею я предсказывать будущее! – затряс головой

Селдон. – Если бы вы слушали мой доклад, вы бы знали, что я говорил исключительно о том, что это теоретически возможно.

– Какая разница? Если он считает, что вы способны предсказать будущее, он вас просто так не отпустит.

– Отпустил, как видите. Вот он я, перед вами.

– Это ничего не значит. Он прекрасно знает, где вы, и все время будет знать. А когда вы ему понадобится, он вас достанет, где бы вы ни были. И если он решит, что вы сможете быть ему полезны, он из вас эту пользу выкачает. А уж если он решит, что вы опасны, он выкачает из вас жизнь.

Селдон нахмурился:

– Чего вы добиваетесь? Хотите напугать меня?

– Я хочу вас предостеречь.

– Я вам не верю.

– Не верите? Разве не вы сами только что сказали, что сделали что-то зря? Что вы при этом имели в виду? Не то ли, что зря сделали доклад и из-за этого попали в беду?

Селдон нервно закусил губу. На этот раз Челвик угадал совершенно точно, и в это самое время Селдон понял, что за ним следят.

Не то чтобы мелькнула чья-то тень, нет, ведь свет здесь был такой, что никаких теней попросту и быть не могло, – слишком мягкий и рассеянный. Он просто уловил краешком глаза быстрое движение – даже не быстрое, а мгновенное, а в следующий миг кто-то остановился рядом.

Глава 2

Бегство

ТРЕНТОР – столица Первой Галактической Империи. При Клеоне Первом слава его клонилась к закату. Любопытно, что посторонним наблюдателям казалось, будто Трентор – на вершине могущества. Площадь поверхности планеты, составляющая двести миллионов квадратных километров, находилась целиком (исключая территорию, где стоял Дворец Императора) под защитной оболочкой, ниже которой простирался бесконечный город, что уходил в глубь континентального шельфа. Население Трентора насчитывало сорок миллиардов человек, и хотя, если приглядеться повнимательнее, становилось очевидно, что тут накопилась масса проблем и противоречий, сами жители Трентора ничего особенного не замечали и, без сомнения, по-прежнему полагали, что живут в легендарном Вечном Городе, и даже помыслить не могли, что когда-либо...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Селдон поднял голову. Перед ним стоял молодой человек, устремив на него сверху вниз взгляд, полный изумления и презрения. Еще один, помоложе, стоял с ним рядом. Оба высокие и крепкие.

И тот и другой были одеты не иначе как по последней тренторианской моде, как показалось Селдону, – в одежду ярких, кричащих цветов. Талии юнцов были подпоясаны широкими ремнями с бахромой, головы украшали широкополые шляпы, тульи которых были обвязаны длинными розовыми лентами, а их концы свисали сзади до плеч.

Селдону вид незнакомцев показался забавным, и он не смог сдержать улыбки.

Тот, что стоял прямо перед ним, огрызнулся:

– Чего скалишься, несчастный?

Оставив без внимания грубый тон обращения, Селдон мягко проговорил:

– Простите, что улыбнулся. Просто мне очень понравилось, как вы одеты.

– Как я одет? Вот как? А вот ты как одет? Это мерзкое тряпье ты называешь одеждой?

Грубиян протянул руку и ухватился за лацкан пиджака Селдона. О, каким уродливым, грубым, тяжелым, просто непристойным показался в это мгновение Селдону его зло-

счастный костюм!

– Что же делать? – вздохнул Селдон. – Я ведь нездешний, и моя одежда, естественно, тоже. Но другой у меня нет.

Тем временем, как заметил Селдон, немногие из гулявших в парке поднялись со скамеек и удалились. Похоже, поняли, к чему дело клонится, и решили вовремя смотать удочки. Селдон не знал, ушел ли и его новый знакомец, Челвик, но не мог этого узнать при всем желании: молодой грубиян стоял перед ним как вкопанный. Селдон чуть-чуть отодвинулся назад вместе со скамейкой.

– Так ты нетутошный? – грубо поинтересовался юнец.

– Верно. Потому я так и одет. Я здесь в гостях.

– И с какой такой планеты?

– С Геликона.

Юнец нахмурился:

– Сроду о такой не слыхивал.

– Это очень маленькая планета.

– Так почему ты не уберешься туда?

– Я завтра улетаю.

– Завтра? Ошибаешься! Сейчас, немедленно, понял?

Юнец обменялся взглядом со своим спутником. Селдон тоже посмотрел на второго нахала и успел заметить Челвика. Тот, оказывается, не ушел, но больше в парке не осталось ни души – Селдон, Челвик и двое скандалистов.

– Я намеревался посвятить день осмотру достопримечательностей, – возразил Селдон.

– Подумай хорошенько. Ты ошибся, приятель. Вовсе не собирался. Ты сейчас же отправишься домой, к мамочке.

Селдон улыбнулся:

– Простите, но я этого не сделаю.

Юнец спросил у своего спутника:

– Эй, Марби, тебе нравится его тряпье?

Марби наконец раскрыл рот:

– Не-а. Жуткое тряпье. Аж тошнит.

– Ну и что нам с ним делать, Марби? Отпустить, чтобы он тут разгуливал и всех от него тошнило, а? Ведь это, Марби, вредно для здоровья, как ты считаешь?

– А то как же! Еще как вредно-то, Алем, – отозвался Марби.

Алем хмыкнул:

– Эй, ты, слышал, чего Марби сказал?

Ему ответил Челвик:

– Послушайте, вы – Алем, Марби, или как вас там. Позабавились – и хватит. Что вам еще нужно?

Алем, который на ту пору стоял, наклонившись над Селдоном, выпрямился и обернулся:

– А ты кто такой?

– Не твое дело, – в тон ему ответил Челвик.

– Тренторианец? – упорствовал Алем.

– И это тоже не твое дело.

Сдвинув брови, Алем оглядел Челвика с ног до головы.

– Одежка-то вроде у тебя нашенькая. Слушай-ка, нам

до тебя дела нет, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай, не встревай, понял?

– Я не уйду, запомни. Так что нас двое. Двое на двое, стало быть. Похоже, вы никак драться собирались? Может, пойдите, еще дружков прихватите, чтобы вас стало побольше против нас двоих?

Селдон вмешался:

– Челвик, послушайте, может быть, вам лучше уйти? Спасибо, что вступились за меня, но мне неудобно, ей-богу. Вам-то зачем подвергать себя опасности?

– Никакой опасности, Селдон. Дешевые оболтусы, задиры паршивые, больше ничего. Лакеи.

– Ла-ке-и? – взревел Алем, которому это слово пришлось явно не по душе, и Селдон решил, что, видимо, почему-то оно на Тренторе имеет более обидное значение, чем на Геликоне.

– Так, Марби, – распорядился Алем, – ты, значит, разберись-ка с этим, что нас лакеями обозвал. От лакея слышу, понял? А я пока быстренько приведу в божеский вид этого Селдона. А ну...

Он наклонился, рванул на себя лацканы пиджака Селдона. Селдон резко согнул одну ногу в колене и опрокинулся на спину вместе со скамейкой. При этом он успел ухватить Алема за руки, тот не удержался на ногах, кувырнулся и брякнулся на спину позади Селдона.

Селдон рывком встал, глянул на Алема, потом быстро на-

шел взглядом Марби.

Алем лежал неподвижно, лицо его скривила гримаса страдания. Большие пальцы его рук были выбиты, он скрючился от удара в пах и дикой боли в ушибленном позвоночнике.

Челвик левой рукой держал Марби за шиворот, а правой заломил правую руку нахала за спину. Физиономия Марби побагровела, он ловил воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. На земле у его ног валялся нож, в прозрачной рукоятке которого светился огонек миниатюрного лазера.

Челвик чуть-чуть ослабил хватку и сказал не без сострадания:

– Здорово вы его отделали.

– Боюсь, что так, – смущенно ответил Селдон. – Знаете, упади он чуть-чуть иначе, он бы шею сломал.

– Что же вы за математик такой? – удивленно спросил Челвик.

– Геликонский, – без тени иронии ответил Селдон, наклонился, подобрал с земли нож, повертел его в руках и сказал: – Неприятная штукавина. Наверняка смертельная.

– Хватило бы и самого обычного ножа, без всяких выкрутасов. Слушайте, давайте-ка отпустим этих паршивцев подобру-поздорову. Сомневаюсь, что они еще хотят драться.

И он отпустил Марби, который тут же принялся яростно потирать плечо и шею. Хрипло дыша, он с ненавистью смотрел на Селдона и Челвика.

Челвик резко, отрывисто проговорил:

– А теперь убирайтесь оба. В противном случае нам придется дать показания против вас. Оскорбление личности и покушение на жизнь. Нож – вещественное доказательство.

Марби наклонился над Алемом, поднял его с земли, подхватил под мышки и поволок прочь. Пару раз они оглянулись, а Селдон и Челвик проводили их бесстрастными взглядами.

Селдон протянул Челвику руку:

– Как мне отблагодарить вас? Вы пришли на помощь совершенно незнакомому человеку. Сам бы я с ними, конечно, не справился.

Челвик протестующе помахал рукой:

– А я их не испугался. Самые что ни на есть обычные уличные бродяги. Нужно было попросту приложить руки – мои и ваши, конечно.

– А хватка у вас прямо-таки мертвая, – улыбнулся Селдон.

Челвик пожал плечами:

– Да и вы, как я погляжу, не промах. Послушайте, – добавил он, не меняя интонации, – лучше и нам убраться отсюда, не теряя времени.

– Зачем? – удивился Селдон. – Вы боитесь, что эти двое вернуться?

– Эти-то вряд ли. А вот те отчаянные храбрецы, что так быстро разбежались отсюда, чтобы не пялить глаза на драку, запросто могли вызвать полицию.

– Ну и отлично. Мы знаем имена обидчиков. И можем точ-

но описать их внешность.

– Их? Они-то полиции на что сдались?

– Как! Они же первые напали!

– Не валяйте дурака. У нас с вами – ни единой царапины. А им обоим понадобится солидная медицинская помощь, особенно Алему. Арестуют нас, это я вам точно говорю.

– Но это же невозможно. Люди подтвердят, что...

– Да не будет никаких людей! Слушайте, Селдон: выбросьте вы эту блажь из головы, и побыстрее. Эти двое искали вас – именно вас. Им сказали, что на вас – геликонская одежда, и старательно описали вашу внешность. Может, даже голографический снимок показали. Сильное у меня подозрение, что их подослали такие люди, которые держат под контролем полицию, так что не стоит нам тут задерживаться.

И Челвик быстрым шагом пошел вперед, крепко ухватив Селдона за руку. Теперь у Селдона появилась возможность лично оценить мертвую хватку Челвика. Сбросить его руку он при всем желании не мог, а потому потащился следом, словно послушное дитя за нянькой.

Вскоре они нырнули в сводчатый туннель, и еще до того, как глаза Селдона успели привыкнуть к менее яркому свету, позади послышался визгливый скрип тормозов.

– Явились – не запылились, – пробормотал Челвик. – Быстрее, Селдон.

Новые знакомые прыгнули на движущийся тротуар

и быстро затерялись в толпе.

7

Селдон пытался убедить Челвика зайти к нему в гостиницу, но тот и слышать об этом не хотел.

– Вы что, с ума сошли? – спросил он полушепотом. – Там вас уже ждут с распростертыми объятиями.

– Но все мои вещи тоже там и ждут меня.

– Ну что ж, придется им подождать подольше. Надеюсь, у них хватит терпения.

Разговаривали они, сидя в небольшой однокомнатной квартире. Дом, где она располагалась, находился в районе, Селдону совершенно неведомом. Он с любопытством разглядывал комнату. Большая ее часть была занята письменным столом, стулом, кроватью и компьютером. Ни кухни, ни ванной, ни туалета. Жутко неудобно. Челвик водил Селдона в общую туалетную комнату, расположенную в другом конце коридора. И что же? Кто-то ввалился туда, когда Селдон еще не успел закончить свои дела, бросил любопытный взгляд на одежду Селдона и отвел глаза.

Когда Селдон рассказал об этом Челвику, тот покачал головой и сказал:

– Придется тебе сменить одежду. Да, жаль, что на Геликоне так сильно отстали от моды.

Селдон недовольно проговорил:

– Послушай, Челвик, а может быть, все это – игра твоего воображения? Да, ты меня наполовину убедил, но все-таки вдруг это просто нечто вроде... вроде...

– Вроде паранойи, хочешь сказать?

– Если на то пошло, да. Вдруг это действительно у тебя такая навязчивая идея?

– А ты подумай хорошенько, только не перебивай, ладно? Математически я тебе ничего доказать, конечно, не сумею, однако... Ты виделся с Императором. Не отрицай, не надо. Выскажу предположение: он требовал у тебя каких-то подробностей, имеющих отношение к будущему, и ты отказался. А Демерзель, вероятно, полагает, что ты лжешь, утверждая, будто не в силах сделать никаких предсказаний. Он думает, что ты приберегаешь столь ценную информацию для того, кто посулит тебе цену повыше, а может быть, уже предложил. Кто знает? Я говорил тебе: если Демерзель захочет, он тебя из-под земли достанет. Причем заметь: сказал я тебе об этом до того, как двое повес появились на сцене развития событий. Я – журналист и тренторианец. Уж я-то знаю, как такие делишки обстряпываются. Помнишь, Алем обронил фразочку: «Он-то нам и нужен». Помнишь?

– Помню, представь себе.

– Я для него был... так, ноль без палочки, досадная помеха, а задание у него было – напасть на тебя.

Челвик уселся на стул и указал пальцем на кровать:

– Приляг, Селдон, расслабься, отдохни. Кто бы ни подо-

слал эту парочку (я-то уверен, что Демерзель), он способен подослать других, стало быть, первым делом нужно избавиться от твоего злосчастливого костюма. Думаю, всякому геликонцу в этом секторе придется невесело, пока он не сумеет доказать, что он – не ты.

– Ну ладно, ладно...

– Нет, я серьезно. Тебе придется раздеться, а костюмчик твой мы уничтожим в атомайзере, если удастся подобраться к нему незамеченными. Но для начала я должен раздобыть для тебя тренторианскую одежду. Ты пониже меня ростом, и я это учту. Если немного не подойдет, не обессудь.

Селдон покачал головой:

– У меня денег не хватит расплатиться. Это мне не по карману. Денег у меня – курам на смех, да и те в гостиничном сейфе.

– Об этом подумаем позднее. Посиди тут без меня часок-другой, а я отправлюсь по магазинам.

Селдон развел руками и вздохнул:

– Ладно, сдаюсь. Если это так важно, я побуду тут.

– Точно? Не рванешь в гостиницу? Даешь честное слово?

– Слово математика. Но мне действительно неловко от того, что ты проявляешь обо мне заботу. Да еще тратиться вздумал. Ведь на самом-то деле, что бы ты ни толковал о Демерзеле, эти забияки вовсе не намеревались избить меня или похитить. Они хотели только раздеть меня.

– Не только. Кроме того, они собирались поволочь тебя

в космопорт и посадить на корабль, отправляющийся прямо-хонько на Геликон.

– Ну, это они так... я этого всерьез не принял.

– Почему же?

– Но я же все равно улетаю. Завтра. Я им так и сказал.

– И до сих пор собираешься лететь? – спросил Челвик.

– Конечно. Почему бы и нет?

– Тебе нельзя лететь ни в коем случае. Для этого – масса причин.

Тут Селдон рассердился не на шутку:

– Слушай, Челвик, я больше не в силах продолжать эту игру. Здесь у меня нет больше никаких дел, и я хочу домой. Билет мой, к сожалению, в гостинице, а то бы я его поменял на сегодняшней рейс. И поменяю при первой возможности.

– Тебе нельзя возвращаться на Геликон.

Селдон покраснел:

– Да почему же? Что, там меня тоже ждут?

Челвик кивнул:

– Не кипятись, Селдон. Да, там тебя тоже будут ждать. Выслушай меня. Лететь на Геликон – значит лететь в самые лапы Демерзеля. Что такое твой Геликон? Добропорядочная, законопослушная имперская территория. Случались у вас там хоть раз бунты? Хоть раз в жизни кто-то хоть одной ногой вставал под знамена врагов Императора?

– Нет, и слава богу. Планета окружена более населенными мирами. Мир в Империи – залог спокойствия и безопасности

Геликона.

– Вот именно! И поэтому представители Империи на Геликоне вполне могут рассчитывать на безоговорочную лояльность вашего правительства. Ты там все время будешь пребывать под неусыпным надзором, и, как только понадобится Демерзелю, тебя ему выдадут, тепленького. И учти, даже несмотря на то что я тебя, считай, предупредил, ты ничегошеньки не будешь замечать, никакой слежки. Будешь тихо-мирно работать, как работал, и тебе будет казаться, что все в полном порядке.

– Это смешно. Допустим, он хочет взять меня на Геликоне. Тогда почему же не отпустить меня с миром? Я лечу домой завтра. Зачем понадобилось подсылать этих мордovorотов? Для чего? Для того чтобы ускорить мой отлет на несколько часов? Но ведь это чепуха какая-то. От такой стычки я, наоборот, по сути дела, должен встревожиться, задуматься.

– С какой стати ему предполагать, что ты встревожишься? Разве он ожидал, что с тобой рядом окажусь я и вылью на тебя, так сказать, полное ведро своего параноидального бреда?

– Ну ладно, все равно, зачем вся эта суета? Зачем меня выкидывать с Трентора, никак не пойму? Что я бы успел сделать тут за лишние несколько часов?

– Может быть, он боится, что ты передумаешь.

– Передумаю? И куда же я отправлюсь, если не домой? Если уж у него до Геликона руки дотянутся, значит, он спосо-

бен достать меня где угодно. Да он бы меня, к примеру, даже на Анакреоне разыскал, вздумай я почему-либо отправиться туда, а ведь Анакреон... это отсюда в добром десятке тысяч парсеков. Что такое расстояние для гиперпространственных кораблей? Вздумай я даже махнуть в какой-то мир, который не настолько трепещет перед властью Империи, как Геликон, где бы я такой мир отыскал? Где нынче бунтуют? В Империи царит мир. Даже если и отыщется пара-тройка миров, в которых сильны воспоминания о несправедливости, проявленной к ним когда-то со стороны Империи, какой из них станет рисковать собственной безопасностью ради меня? Армия Империи – угроза для всех. Более того, я гражданин Геликона и на любой другой планете буду иностранцем, так что никаких проблем у Империи со мной не будет и быть не может.

Челвик терпеливо выслушал Селдона, время от времени кивал головой, но лицо его оставалось серьезным и непроницаемым.

– Ты совершенно прав, – наконец изрек он, – однако мир, который не до конца подвластен Императору, существует. Вот именно это, скорее всего, ужасно беспокоит Демерзеля.

Селдон задумался, припоминая события последних лет, но никак не мог вспомнить мира, где бы не существовало власти Империи. В конце концов он спросил:

– Что это за мир?

Челвик ответил:

– Ты в нем находишься – и как раз это кажется Демерзелю слишком опасным, по всей вероятности. Не то чтобы ему безумно хотелось отпустить тебя на Геликон, но гораздо меньше ему хочется, чтобы ты остался на Тренторе. Вот он и стремится выпихнуть тебя отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Наконец Селдон не выдержал и фыркнул:

– Ну, дела! Трентор! Столица Империи! На орбитальной станции – центральная база Флота, на планете расквартированы отборные части войск. Если уж ты взаправду считаешь *Трентор* самым безопасным миром, значит, у тебя не только паранойя, а еще и бредовые фантазии.

– Нет! Селдон, ты – провинциал. Это я тебе не в обиду говорю. Просто ты не знаешь, что такое Трентор. Здесь живет сорок миллиардов человек, и вряд ли найдется много миров, где можно насчитать хотя бы вдесятеро меньше народа. Здесь все так сложно – и техника, и культура. Сейчас мы находимся в Имперском секторе, где самый высокий уровень жизни и население состоит почти целиком из имперских функционеров. Однако, кроме Имперского, на планете более восьмисот разных секторов, в каждом – своя культура и традиции, и во многие из них имперские силы порядка носа не суют.

– Почему?

– Империя при всем желании не может оказывать на Трентор чересчур сильного давления. Стоит чуть-чуть переусерд-

ствовать, и запросто можно повредить что-то в сети коммуникаций, которой Трентор оплетен, как паутиной. И тогда пострадает вся сеть, здесь все взаимосвязано. Поверь мне, Селдон, мы здесь, на Тренторе, отлично понимаем, что такое землетрясение, которое вовремя не предсказали, что такое извержение вулкана, о котором не знали заранее, что такое неукротенная буря, а то и просто человеческая ошибка, никем не замеченная. Планета сотрясается, и нужно изо всех сил стараться сохранить равновесие.

– Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Челвик усмехнулся:

– Конечно, не слышал. Что же ты хочешь, чтобы Империя афишировала слабость собственного сердца? А вот я, будучи журналистом, знаю, о чем не помышляют провинциалы, то, о чем не помышляют многие на самом Тренторе – даже тогда, когда делается все, чтобы скрыть правду. Поверь мне! Император и Эдо Демерзель знают, что нарушить спокойствие Трентора – значит разрушить Империю.

– Поэтому ты и предлагаешь мне остаться на Тренторе?

– Да. Я смогу найти для тебя на Тренторе такое местечко, где ты станешь абсолютно недостижимым для Демерзеля. Тебе не придется скрываться под вымышленным именем, ты сможешь жить совершенно открыто, но он не сможет до тебя добраться. Вот поэтому-то он так мечтал как можно скорее вышвырнуть тебя с Трентора подальше и сделал бы это, если бы судьбе не было угодно познакомить нас, ну и еще –

если бы ты не умел так здорово драться.

– Но сколько же я должен пробыть на Тренторе?

– Столько, сколько потребуется для твоей безопасности, Селдон. Может быть, всю жизнь.

8

Гэри Селдон разглядывал свое голографическое изображение, выполненное с помощью проектора. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющее, чем при взгляде в зеркало. Создавалось полное ощущение, что Селдонов в комнате стало двое.

В новой одежде Селдон чувствовал себя пока не совсем ловко. Прожив всю жизнь на Геликоне, он больше привык к темным, приглушенным тонам, но, на его счастье, Челвик выбрал для него одежду не слишком яркой расцветки. Пощупав рукав новой туники, Селдон вспомнил, как кричаще были разодеты те двое, что пристали к нему в парке, и внутренне поежился.

– Шляпу мне, видимо, тоже придется надеть? – поинтересовался он.

– В Имперском секторе без нее не обойтись. Ходить без головного убора здесь считается дурным тоном. Может быть, в других местах к этому не придираются.

Селдон вздохнул. Шляпа была сделана из какого-то мягкого материала, и как только он поднес ее к голове, шляпа

уселась как влитая. Поля, к радости Селдона, оказались поуже, чем у двоих щеголей, никак не выходивших у него из головы. «Пожалуй, – успокоил себя Селдон, – шляпа мне даже идет».

– А ленточки под подбородком не предусмотрено?

– Нет, конечно. С ленточкой – это для стилига.

– Для кого, для кого?

– Ну, стилига – это модник, который носит вещи, которые шокируют окружающих. Наверняка у вас на Геликоне такие тоже есть.

– У нас? – фыркнул Селдон. – У нас есть такие, которые умопомрачительно стригутся: с одной стороны волосы до плеч, а с другой голова выбрита наголо.

Он рассмеялся, а Челвик скривился:

– Жутко уродливо, наверное.

– Бывает и хуже! Понимаешь, одни из них выбривают голову справа, а другие – слева, и праваяки леваков просто ненавидят. Что ты! Дело до драк доходит.

– Ну, раз такое дело, я думаю, уж шляпу-то ты как-нибудь переживешь, особенно без ленточки.

– Постараюсь привыкнуть, – улыбнулся Селдон.

– Пялиться на тебя, конечно, все равно будут. Во-первых, и шляпа, и все остальное на тебе не слишком яркое, поэтому по тренторианским меркам ты, считай, все равно что в трауре. Да и размеры не совсем твои. Во-вторых, ты действительно к такой одежде не привык, и это видно. Ну, это лад-

но – в Имперском секторе мы надолго не задержимся... Ну, нагляделся?

И Челвик выключил голограф.

– Дорого тебе стоило все это? – спросил Селдон.

– Какая разница?

– Не хотелось бы оставаться в долгу. Неудобно.

– Не переживай. Это мое дело. Но мы теряем время. Меня наверняка описали во всех подробностях, так что быстро вычислят, кто я такой, и явятся сюда.

– В таком случае, – нахмурился Селдон, – дело не только в том, что ты потратил на меня деньги. Ты еще и рискуешь из-за меня. Лично рискуешь!

– Знаю. Но это опять-таки мое дело. О себе я уж как-нибудь сумею позаботиться.

– Но зачем, ради чего...

– Философствовать будем потом. Кстати говоря, одежду твою старую я уже атомизировал, и меня, похоже, никто не заметил за этим занятием. Правда, затраты энергии обязательно заметят – она будет зарегистрирована. И кто-то шибко умный может догадаться, в чем дело. Ужасно трудно, знаешь ли, что-то скрывать, когда кругом сплошные глаза и уши. Ну да ладно, будем надеяться, что нам удастся убраться подальше, пока они тут докумекают, что к чему.

Долго-долго они шли пешком по переходам, озаренным мягким желтоватым светом. Челвик внимательно смотрел по сторонам и все время старался идти в ногу с толпой пешеходов, никого не обгоняя и никому не позволяя обгонять себя.

По пути Челвик непрерывно болтал с Селдоном на отвлеченные темы.

Селдону это удавалось с трудом.

– Послушай, – сказал он в конце концов, – тут у вас так много ходят пешком. Сплошные тротуары и переходы.

– А что такого? – удивился Челвик. – Ходьба по-прежнему остается лучшим средством перемещения на небольшие расстояния. Удобно, дешево и для здоровья полезно. Сколько бы ни развивалась техника, а в этом смысле все остается без изменений. У тебя не агорафобия ли, случаем, Селдон?

Селдон глянул вправо, через поручень, где внизу бежали другие движущиеся тротуары, тут и там пересекаясь под прямыми углами, и чуть-чуть вздрогнул.

– Боюсь ли я высоты? Да нет, не очень. Но вообще-то смотреть вниз не особенно приятно. А какая тут высота?

– В этом месте – уровнем сорок-пятьдесят. В Имперском секторе и других технически развитых районах таких мест много. Большой же частью пешеходы путешествуют по до-

рожкам, проложенным, так сказать, на нижнем уровне.

– Наверное, бывают попытки самоубийства или нет?

– Нечасто. Для этого существуют гораздо более легкие способы. И потом, с самоубийством на Тренторе вообще никаких проблем нет. Хочешь свести счеты с жизнью – можешь сделать это вполне легально в соответствующем медицинском центре после соответствующего курса психотерапии. Поэтому суициды здесь редки, но про агорафобию я тебя спросил не поэтому. Мы идем на стоянку такси. Там меня знают как журналиста. Таксистам я время от времени приплачиваю, и они не откажут мне в маленькой любезности, а именно: не зарегистрируют меня и закроют глаза на то, что я не один, а с приятелем. Мне, конечно, придется раскошелиться, но опять-таки: если люди Демерзеля нажмут на таксистов как следует, им придется выложить всю правду. А мы в это время будем уже далеко.

– И при чем тут акрофобия, не пойму?

– При том, что нам придется воспользоваться гравиподъемником. Эта штука – на любителя, и, честно признаться, я сам редко им пользуюсь. Но если ты выдержишь, будет лучше.

– А что это такое – гравиподъемник?

– Экспериментальное транспортное средство. Наверное, если люди к нему психологически привыкнут или их приучат, оно со временем станет применяться на Тренторе, а потом и в других мирах более широко. Это, так сказать, лифт

без кабины. Мы просто шагнем в никуда и будем медленно падать или медленно подниматься под действием антигравитации. На сегодняшний день эта штукавина – единственное применение антигравитации. Может быть, потому, что самое дорогое.

– А что может произойти, если поле выключится, когда мы еще будем в пути?

– То самое, о чем ты подумал. Мы упадем и, если окажемся достаточно высоко от дна, погибнем. Я, правда, о таких случаях пока не слышал, а уж ты мне поверь, я бы знал обязательно, что стряслась такая беда. В выпуск новостей такая информация, конечно, не просочилась бы из соображений цензуры – они вечно выкидывают плохие новости, – но я бы знал, это я тебе точно говорю. Ну вот, уже совсем близко. Если не сдюжишь, мы и пробовать не станем, но только учти, что обычные лифты ходят медленно и нудно и там многих тошнит.

Челвик повернул за угол, и друзья оказались на широкой площадке, где выстроилась очередь – мужчины, женщины, пара ребятишек.

Селдон потихоньку проговорил:

– Представь себе, ни о чем подобном я дома не слыхивал. Нет, я понимаю, наши новости оставляют желать лучшего, но все-таки могли бы хоть упомянуть, что такое есть на свете...

– Пока это все на уровне эксперимента, – объяснил Чел-

вик, – да и то только в Имперском секторе. Пожирает уйму энергии, а поэтому правительство старается не слишком афишировать гравиподъемники. Появились они еще при прежнем Императоре – том самом, который умер в своей постели и этим всех до смерти удивил. Он распорядился установить такие лифты в нескольких местах. Он, видишь ли, желал, чтобы его имя было увековечено внедрением антигравитации – такие взбрыки случаются у стариков с комплексом неполноценности. Как я уже сказал, не исключено, что лифты станут применяться более широко, но только лифты – вряд ли внедрение антигравитации продвинется дальше этого.

– А куда бы еще оно могло продвинуться?

– К созданию антигравитационных звездолетов. Но до этого жутко далеко. Насколько я знаю, большинство физиков считают, что это принципиально невозможно и даже говорить об этом не стоит... Но, с другой стороны, было время, когда все в один голос твердили, что антигравитационные подъемники – вещь из области фантазии.

Очередь шла быстро, и вскоре Селдон с Челвиком подошли к краю площадки, круто обрывавшемуся в открытую пропасть. Воздух над пропастью слабо светился. Селдон инстинктивно вытянул руку и почувствовал легкий удар. Больно не было, но он быстро отдернул руку.

Челвик усмехнулся:

– Элементарная предосторожность. Чтобы никому

не взбрело в голову шагать в пропасть, пока не включено поле.

Он набрал какие-то цифры на пульте, вмонтированном в невысокий столбик, и свечение исчезло.

Селдон робко заглянул в глубокую шахту.

– Пожалуй, будет лучше, если мы возьмемся за руки и ты закроешь глаза, – предложил Челвик. – Не бойся, это займет всего несколько секунд.

Не дав Селдону времени на раздумья, он крепко взял его за руку, и тот не смог освободиться. Челвик шагнул в пустоту, а Селдон, к собственному удивлению и стыду тихонько вскрикнув, скользнул за ним.

Он закрыл глаза, но не почувствовал ни падения, ни движения воздуха. Прошло несколько секунд, и Челвик потянул его за руку. Селдон покачнулся, выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что стоит на твердой поверхности.

– Уже?!

– Живы, как видишь, – сухо ответил Челвик и пошел вперед, увлекая Селдона за собой.

– Я хотел спросить, мы попали на нужный уровень?

– Конечно.

– А что бы произошло, если бы мы летели вниз, а кто-то – нам навстречу?

– В шахте – две отдельные линии. По одной все с одинаковой скоростью поднимаются, по другой – опускаются. Расстояние между пассажирами – не меньше десяти метров.

Никаких столкновений не должно быть, если все нормально работает.

– Я ровным счетом ничего не почувствовал.

– А что ты, собственно, мог почувствовать? Ускорения же не было. Через десятую долю секунды ты принял постоянную скорость падения, а воздух, тебя окружавший, падал с той же скоростью, что и ты.

– Потрясающе!

– Согласен. Но, увы, неэкономично. И, похоже, никто особо не озабочен усовершенствованием и повышением рентабельности этого замечательного устройства. Отовсюду слышится одна и та же песня: «Это нам не под силу. Это невозможно». Если бы так только о гравиподъемнике говорили. Это же абсолютно о каждом нововведении, представляешь?

Челвик был явно рассержен.

– Ага, вот и стоянка такси. Пошли быстрее.

10

Селдон изо всех сил старался вести себя на стоянке так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Однако это оказалось чертовски трудно. Он понимал, что нельзя глазеть по сторонам, ото всех отворачиваться, пялить глаза на машины. Вести себя нужно было совершенно невинно, то бишь нормально.

Но что значит «нормально»? В новой одежде ему было

неловко. Карманов в тунике не было, руки девать некуда. Два кошелька, что висели по бокам на ремне, жутко раздражали его: при ходьбе они шлепали по бедрам и Селдону все время казалось, что его кто-то хватает или задевает.

Он решил присмотреться к женщинам. Кошельков на поясах у них не было, сумок в руках – тоже. Вместо них служили какие-то коробочки, непонятно, чем и как укрепленные на бедрах. «Псевдомагниты, наверное», – решил Селдон. Одеты дамы были в широкие, просторные, но закрытые платья, и это немного огорчило Селдона. Про декольте тут, похоже, совсем забыли, хотя некоторые платья были сшиты так, что нарочито подчеркивали ягодицы.

Тем временем Челвик развил бурную деятельность и скоро вернулся, держа в руке керамическую сверхпроводимую пластинку, предназначенную для пуска такси по определенному маршруту.

– Забирайся, Селдон, – сказал Челвик, указывая на небольшую двухместную машину.

– Тебе пришлось регистрироваться? – спросил Селдон.

– Нет, что ты. Здесь меня знают и не вдаются в формальности.

– Они поняли, что у тебя на уме?

– Меня ни о чем не спрашивали, а сам я помалкивал.

Челвик вставил пластинку в щель на панели управления, и Селдон ощутил легкую вибрацию – судя по всему, заработал двигатель.

– Мы направляемся в Д-семь, – сообщил Челвик.

Селдон понятия не имел, что такое «Д-семь», и решил, что это какой-то маршрут.

Такси отъехало назад, объехало другие машины и, выбравшись наконец на ровную, уходящую вверх дорогу, набрало скорость. Вскоре машина легким рывком поднялась в воздух.

Селдона отбросило на подушку сиденья.

– Да, – проговорил он, – это на антигравитацию не похоже.

– Конечно, – невозмутимо отозвался Челвик. – Тут совсем другой принцип. Реактивный. Этого толчка вполне достаточно, чтобы поднять нас к туннелям.

Впереди завиднелось нечто, напоминавшее громадную скалу, испещренную многочисленными отверстиями наподобие громадной шашечной доски. Челвик направил машину к отверстию, помеченному «Д-семь», лавируя между другими машинами, направлявшимися к другим туннелям.

– Ты же запросто мог врезаться в кого-нибудь, – переведя дыхание, проговорил Селдон.

– Наверное, врезался бы, если бы все зависело от моих собственных чувств и реакций, но, к счастью, такси снабжено компьютером, который прекрасно страхует водителя. Не только меня, и всех остальных тоже. Ну, вот мы и у цели...

Машина скользнула в отверстие туннеля так, словно ее втянул туда мощный насос. Освещение стало желтоватым,

менее ярким, чем снаружи.

Челвик оторвался от пульта управления, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул:

– Ну, можно считать, первый этап мы успешно одолели. Нас могли задержать на стоянке. А тут мы в полной безопасности.

Такси мягко, равномерно летело вперед, стены туннеля уплывали мимо. Шума двигателя почти не было слышно – лишь едва заметное ровное бормотание.

– С какой же скоростью мы летим? – поинтересовался Селдон.

Челвик глянул на панель управления:

– Триста пятьдесят километров в час.

– Магнитное ускорение?

– Да. На Геликоне уже тоже до этого додумались?

– У нас только одна такая линия. Я сам еще не пробовал, только собирался все время. Но, думаю, она далеко не такая совершенная, как эта.

– Наверняка не такая. Трентор такими туннелями напичкан, словно муравейник ходами, они насчитывают много тысяч километров. Туннели проложены под землей и по мелководью океана. Главное транспортное средство для дальних путешествий.

– А нам далеко лететь?

– Чуть больше пяти часов.

– Пять часов! – испуганно воскликнул Селдон.

– Не пугайся. Каждые двадцать минут мы пролетаем мимо стоянок. На любой из них мы можем выскочить из туннеля, размяться, поесть, отдохнуть. Но, сам понимаешь, слишком часто мне бы не хотелось останавливаться.

Какое-то время оба молчали. Вдруг справа мелькнул яркий свет, и Селдону показалось, что он успел разглядеть две машины.

– Стоянка, – ответил Челвик на вопрос, который Селдон не успел задать.

– Скажи, а я действительно буду в безопасности там, куда ты меня везешь?

– В полной безопасности от любых происков со стороны властей Империи, – ответил Челвик. – Конечно, придется вести себя осторожно – ведь существуют шпионы, специальные агенты, наемные убийцы. Естественно, у тебя будет телохранитель.

Селдон забеспокоился:

– Ты это серьезно – насчет наемного убийцы? Неужели они действительно захотят убить меня?

– Демерзель – вряд ли. Мне кажется, что ему гораздо больше хочется заполучить тебя и использовать для своих нужд, чем отправить на тот свет. Однако могут появиться другие враги, и, кроме того, события запросто могут принять непредсказуемый характер. Словом, дремать не придется.

Селдон покачал головой и отвернулся. Подумать только: всего сорок восемь часов назад он был никому не известным

математиком, собиравшимся провести оставшееся до возвращения домой время за осмотром Трентора, походить, поглазеть на величественную планету, как истинный провинциал. И что же? Теперь он стал человеком, за которым гонятся, разыскивают имперские власти. Странно, нелепо, страшно. Селдон поежился.

– Ну а ты сам? – спросил он Челвика. – Ты понимаешь, что делаешь и что тебя ожидает?

– Ну, – задумчиво проговорил Челвик, – скорее всего, ничего хорошего. Любить им меня совершенно не за что. Может, голову снесут, может, взрывное устройство подкинут.

Сказано это было спокойно, ровным голосом, но Селдон похолодел:

– Как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе ни капельки не страшно?

– Я – старый тренторианец. Планету знаю как свои пять пальцев. У меня уйма знакомых, и многие из них в долгу передо мной. Мне не раз удавалось выйти сухим из воды в случаях, когда ситуация была пострашнее, чем сейчас. Короче, Селдон, за себя я постоять сумею.

– Рад, если это действительно так, и надеюсь, у тебя есть основания для уверенности, Челвик, но я никак не могу понять, ради чего ты так рискуешь? Кто я для тебя? Стоит ли вообще подвергать себя опасности из-за незнакомого человека?

Челвик немного повозился с панелью управления, и, когда

повернул голову, лицо его было совершенно серьезным.

– Я намерен спасти тебя по той же самой причине, по которой ты нужен Императору, – из-за твоей способности предсказывать будущее.

Селдона охватило жуткое разочарование. Вот уж ради этого он вовсе не желал никакого спасения! Да, дела... Он стал жалкой, беспомощной жертвой, куском плоти, из-за которого дерутся стервятники. Он раздраженно проговорил:

– Будь проклят мой доклад! Зачем я выступил? Только погубил свою жизнь!

– Нет. Не торопись с выводами, математик. Императору и его приспешникам ты нужен только затем, чтобы они с твоей помощью могли обезопасить собственную жизнь. Твои способности интересуют их постольку, поскольку они могут быть применены для спасения Императорского трона, его сохранения для сына Клеона. Они боятся за свои шкуры, трясутся за свои места под солнцем, понимаешь? Я же хочу, чтобы твои достижения пошли на пользу всей Галактике.

– Не вижу разницы, – горько вздохнул Селдон.

– Не видишь? – почти сердито переспросил Челвик. – Стыдись! Люди в Галактике жили и до воцарения нынешнего Императора, и до прихода к власти его династии, вообще до Империи, если уж на то пошло. Человечество старше Империи. Может быть, оно старше, чем все и каждый из двадцати пяти миллионов миров Галактики. В легендах говорится: было время, когда люди обитали на одной-единствен-

ной планете.

– В легендах! – фыркнул Селдон и пожал плечами.

– Да, представь себе, в легендах, однако не вижу, почему бы такого не могло быть на самом деле. Давно, двадцать тысяч лет тому назад, если не больше. Позволю себе предположить, что человечество не родилось на свет с врожденными знаниями о теории гиперпространственных перелетов. Наверняка были времена, когда люди попросту не умели передвигаться со скоростями, превышающими скорость света, и тогда они, естественно, были пленниками одной планетарной системы. Ну а если заглянуть вперед, в будущее, то и после тебя, и после Императора в Галактике будут жить люди. И тогда, когда пресечется его род и когда отомрут все институты имперской власти. В таком случае что толку чересчур переживать за судьбу отдельных людей – Императора, наследника престола? Какой смысл волноваться за механизмы управления Империей? А вот с квадриллионами жителей Галактики что будет? Как насчет их?

Селдон ответил:

– Полагаю, люди, как и миры, будут рождаться и умирать.

– Неужели тебе не хочется покопаться, поискать условия, при которых человечество выживет?

– Можно предположить, что все будет не хуже, чем сейчас.

– *Предположить* можно. Но разве нельзя узнать наверняка с помощью науки, которой ты располагаешь?

– Я зову ее психоисторией. Да, можно. Теоретически.

– А у тебя нет жгучего желания внедрить эту теорию в практику?

– Почему? Челвик, я желал бы этого всей душой, но хотеть и мочь – не одно и то же. Я сказал Императору, что психология безнадежно далека от практического применения, и теперь вынужден сказать то же самое тебе.

– И ты даже не намерен попытаться, попробовать найти способ?

– Не хочу. Это будет все равно что копать в горе камешков размером с Трентор, перебирать их один за другим, пересчитывать и раскладывать в ряд от самого большого до самого крошечного. Я знаю заранее, что за мою жизнь мне этого не успеть ни за что на свете, и, уж конечно, не стану валять дурака и притворяться, будто это мне под силу.

– А если бы ты знал всю правду о состоянии человечества, тогда как?

– Глупый вопрос. Что значит «правда о состоянии человечества»? Кто ее знает? Не ты ли?

– Да. В этой правде – всего три слова.

Челвик отвернулся, взгляд его устремился вперед, в бесменную пустоту бесконечного туннеля. Туннель стал шире, затем снова сузился, и тогда Челвик произнес обещанные три слова:

– Галактическая Империя умирает.

Глава 3

Университет

СТРИЛИНГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – высшее учебное заведение в секторе Стрилинг древнего Трентора. ...Несмотря на несомненные успехи, достигнутые здесь в области гуманитарных наук, в памяти людей университет остался вовсе не из-за этих достижений. Наверняка многие поколения ученых, не покладая рук трудившихся на научной ниве Стрилингского Университета, были бы просто потрясены, узнав, что впоследствии Университет будут вспоминать исключительно из-за того, что некий Гэри Селдон ненадолго остановился здесь во время так называемого Бегства.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

11

Заявление Челвика повергло Селдона в молчание. Он мысленно съежился от сознания собственной беспомощности.

Что же произошло? Он изобрел новую науку – психоисторию. Он немного превысил границы действия законов вероятности, принял в расчет величины, изобилующие сложно-

стью и противоречивостью, и в результате получил изящные уравнения с огромным числом неизвестных. Не исключено, что число это бесконечно.

Но для него это была просто математическая игра, не более. Он создал психоисторию или как минимум ее основу, но пока это была всего-навсего математическая диковина, безделушка. Знания истории могли бы придать какое-то значение безжизненным уравнениям...

Но таких знаний у него не было. История никогда не интересовала его. Он, конечно, знал в общих чертах историю Геликона и в свое время прослушал краткий курс истории человечества в школе – но что с того? Все остальные знания были нахватаны с потолка – мифы, легенды, а то и попросту разрозненные, не связанные друг с другом обрывки информации.

И все-таки как кто-то мог заявлять, будто Галактическая Империя умирает? Ведь она существует под названием «Империя» уже десять тысячелетий, а еще целых два тысячелетия до этого Трентор, будучи столицей могущественного королевства, фактически правил Империей, хотя она тогда так не называлась. В первые века своего существования Империи пришлось нелегко, однако она справилась с сопротивлением огромных участков Галактики, никак не желавших расставаться с остатками независимости. Империя пережила многое: бунты, династические войны, периоды тяжелого упадка. Однако потрясения коснулись далеко не всех ми-

ров, а Трентор рос и развивался до тех пор, пока не стал самой многонаселенной планетой в Галактике и не обрел титул Вечного Города.

Нет, если смотреть правде в глаза, последние четыре столетия характеризовались некоторым усилением напряженности: произошел целый ряд покушений на Императоров и дворцовых переворотов. Но и это прошло, и теперь в Галактике царил поистине небывалый мир и покой. При Клеоне и раньше, при его отце, миры жили и процветали в свое удовольствие, а Клеона никто тираном не считал. Даже те, кто критиковал Империю как государственное установление, не осмеливались сказать дурного слова о Клеоне, как бы при этом ни поносили Демерзеля.

Но почему же тогда Челвик объявил, что Галактическая Империя умирает, да еще с такой уверенностью?

Челвик – журналист. Может быть, он лучше знал историю Галактики и более отчетливо представлял себе нынешнюю ситуацию. Но что он такое знал? Что стояло за его безапелляционным заявлением? Что? Что?

Несколько раз вопрос уже был готов сорваться с губ Селдона, но стоило ему взглянуть на суровое лицо Челвика, и он решал не спрашивать. И еще... для него Галактическая Империя была некоей данностью, непререкаемой аксиомой, краеугольным камнем – вечным, незыблемым. Если это не так... нет, он об этом и слышать не хотел.

Поверить в то, что он ошибался? Нет, ни за что. Галакти-

ческая Империя для Селдона имела ровно столько же шансов на гибель, как сама Вселенная. Иначе говоря – Империя могла погибнуть только вместе со Вселенной.

Селдон закрыл глаза, попытался заснуть, но, конечно же, не сумел. Может быть, психоистория продвинулась бы вперед, если бы он занялся изучением истории?

Но как? Существовало двадцать пять миллионов миров, и у каждого из них была своя история, сложная и запутанная. Как он мог изучить историю всех миров? Он знал, что есть множество длинящихся фильмов по истории Галактики. Однажды – он уже и сам не мог припомнить зачем – он смотрел один такой фильм и чуть не сошел с ума от скуки.

Галактической истории дело было только до самых важных, могущественных миров. Некоторые из них были описаны на протяжении всего их существования, другие упоминались лишь в связи с тем или иным периодом в их истории, а потом исчезали, словно их никогда и не было. Както Селдон решил поискать в каталоге Геликон и нашел одну-единственную ссылку... Копнув поглубже, он нашел Геликон в перечне миров, которые хотя бы единожды чемто угрожали имперскому трону. Однако никакого наказания Геликон не понес – вероятно, в связи с тем, что планету сочли настолько незначительной, что ее и наказывать-то не стали.

И что, спрашивается, толку в такой вот истории? Без сомнения, психоистория должна учитывать действия, реакции

и взаимодействия, имеющие место в каждом мире, во всех без исключения. Но как можно изучить историю всех двадцати пяти миллионов миров и учесть все возможные между ними взаимодействия? Нет, это совершенно бессмысленная, не имеющая решения задача и еще одно лишнее подтверждение вывода о том, что психоистория представляет исключительно теоретический интерес и ее никогда нельзя будет применить на практике.

Селдона слегка качнуло вперед, и он понял, что машина замедлила скорость.

– В чем дело? – спросил он.

– Думаю, мы уже достаточно далеко улетели, – ответил Челвик, – чтобы позволить себе короткую остановку. Перекусим, выпьем по стаканчику чего-нибудь, освежимся под душем.

Минут через пятнадцать, постепенно тормозя, машина выехала в ярко освещенный боковой проем и припарковалась на стоянке, где стояло еще пять-шесть машин.

12

Челвик наметанным взглядом окинул все сразу – площадку, другие машины, буфетную стойку, коридоры, мужчин и женщин. Селдон, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой поглядывал на Челвика и старался во всем ему подражать.

Когда они уселись за небольшой столик и сделали заказ, Селдон как можно более безразлично спросил:

– Все в порядке?

– Похоже, да, – ответил Челвик.

– Откуда ты знаешь?

Взгляд темных глаз Челвика на мгновение задержался на Селдоне.

– Инстинктивно чувствую, – объяснил он. – Репортерский опыт, понимаешь? Глянешь одним глазком и сразу видишь: тут нет ничего интересного.

Селдон кивнул и немного успокоился. Ответ Челвика прозвучал шутливо, но доля правды в нем, безусловно, была.

Однако стоило Селдону откусить первый кусок сэндвича, как физиономия его недовольно скривилась. Он вопросительно глянул на Челвика.

– Дорожный буфет, что ты хочешь? – пожал плечами Челвик. – Дешево, быстро и невкусно. Продукты местные и имеют весьма специфический привкус. Для тренторианцев – дело привычное. Все дрожжевое.

Селдон с трудом проглотил кусок.

– А в гостинице...

– Гостиница-то твоя где располагалась? В Имперском секторе. А там все продукты – привозные, натуральные. Если что-то и подают дрожжевое, то дрожжи берутся самого высокого качества. А хорошие дрожжи и стоят недешево.

Селдон нерешительно смотрел на сэндвич, раздумывая,

откусить ли еще кусочек.

– Надо ли понимать тебя так, что все то время, что я проведу на Тренторе...

– Тс-с-с... – прошептал Челвик едва слышно. – Не подавай виду, что тебе такая еда в новинку. На Тренторе есть такие дыры, где показаться аристократом еще хуже, чем если в тебе признают неместного. А еда не везде такая мерзкая, поверь. В придорожных буфетах лучшего ждать не придется, они все такие. Если сумеешь проглотить и переварить этот сэндвич, значит, сумеешь прожить на Тренторе. Уверяю тебя, ничего дурного с тобой не случится. Он свежий, не сомневайся. Просто вкус такой специфический, непривычный. Честное слово, привыкнешь со временем. Встречал я тренторианцев, которые просто в ужасе были от натуральных продуктов и утверждали, что чего-то в них недостает – не такие, видишь ли, пикантные, как наши.

– А на Тренторе много производят продуктов? – спросил Селдон, предварительно стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет и, стало быть, можно разговаривать спокойно. – Я слышал, что каждый день на Трентор прибывает около сотни грузовиков с продуктами из двадцати ближайших миров.

– Точно. И примерно столько же кораблей вывозят пищевые отходы. А уж если быть точным до конца, то все это проделявают одни и те же корабли: сюда они везут продукты, а обратно – отходы. Действительно, натуральные продукты

составляют значительную статью нашего импорта, но все-таки тут речь идет в основном о роскоши, экзотике. А отходы, идущие на экспорт, самым тщательным образом перерабатываются в ценнейшие органические удобрения, которые так же драгоценны для других миров, как для нас – продукты питания. И все же, повторяю, импорт не так велик, как можно подумать.

– Правда?

– Конечно. Во-первых, в океане водится рыба, во-вторых, тут довольно много садов и огородов. Фруктовые деревья дают неплохой урожай, есть у нас и птицефермы, и кроликофермы, и громадные плантации по выращиванию микроорганизмов – их чаще называют дрожжевыми плантациями, хотя дрожжи там как раз выращивают в минимальных количествах. На самом деле Трентор весьма похож на обычный космический поселок, только очень большой. Ты когда-нибудь бывал в таком поселке?

– Да, бывал.

– Космические поселки, как правило, представляют собой замкнутые, закрытые городки с искусственным климатом, вентиляцией, искусственной сменой дня и ночи, ну и так далее. Трентор отличается от них исключительно своей многонаселенностью. Правда, у нас гравитация естественная, и ни один космический поселок не может сравняться с нами по масштабу производства микроорганизмов для питания. Чего у нас только нет: дрожжевые танки, грибковые теплицы.

цы, бассейны с водорослями... Конечно, если бы не вкусовые добавки, есть все это было бы невозможно.

Селдон почти управился с сэндвичем, и чем дальше, тем менее отвратительным тот ему казался.

– Значит, ты говоришь, со мной все будет в порядке?

– Бывают случаи, когда такая пища повреждает кишечную флору, и время от времени какой-нибудь чужеземец может заполучить расстройство пищеварения, но это редко, да и проходит быстро. Ты давай пей молочный коктейль. Он тебе, правда, тоже вряд ли понравится. Зато он содержит профилактическое средство от расстройства кишечника – так, на всякий пожарный...

Селдон поморщился:

– Ой, Челвик, хватит, лучше не говори больше об этом. Как-то мне не по себе от этой лекции.

– Тогда допивай коктейль, и вперед.

Попутчики быстро покончили с едой и снова пустились в путь.

13

Вскоре они снова на полной скорости неслись по туннелю. Селдон наконец решил задать вопрос, который вертелся у него на языке уже около часа:

– Почему ты считаешь, что Галактическая Империя умирает?

Челвик повернулся к Селдону лицом:

– Я же журналист. На меня сыплется громадное количество информации, статистики. Публиковать я, правда, могу лишь малую толику из того, что узнаю. Население Трентора уменьшается. Двадцать пять лет назад оно составляло почти сорок пять миллиардов. Частично это связано с падением уровня рождаемости. Однако тут нужно учесть, что рождаемость на Тренторе никогда не была особенно высока. На самом деле, походишь по Трентору, приглядишься повнимательнее и заметишь, что детей на улицах совсем немного при таком-то колоссальном населении. И все равно рождаемость падает. Ну и потом – эмиграция. Уезжает с Трентора гораздо больше народа, чем приезжает.

– Учитывая высокую численность населения, – вставил Селдон, – это вовсе не удивительно.

– Согласен, но раньше такого не было, вот это-то и удивительно. И еще – торговля по всей Галактике сейчас идет гораздо менее оживленно, чем раньше. Люди думают так: раз сейчас нет никаких восстаний и войн, значит, все хорошо и все тяготы прошлых столетий миновали. Тем не менее, как это ни парадоксально, политическая борьба, революции, войны – все это признаки жизни. А сейчас – какая-то всеобщая усталость. Все спокойно, но не потому, что люди довольны и счастливы, а потому, что устали и сдались.

– Ну, не знаю, не знаю, – недоверчиво проговорил Селдон.

– А я знаю. Взять хотя бы феномен антигравитации. Гра-

витационные подъемники существуют, но широкого распространения не получили. Изобретение оказалось нерентабельным, однако никто и не предпринимает никаких попыток превратить его в рентабельное. Научный прогресс замедлился, ни о какой скорости в развитии техники говорить не приходится. Какая там скорость! Прогресс не движется, а ползет черепашьям шагом. В отдельных областях так и просто застой. Неужели ты и этого не замечаешь? Ты же математик, в конце концов!

– Не могу сказать, чтобы я сильно задумывался об этом!

– Ты не одинок. С этим просто все смирились. Ученые ручки сложили и твердят на все лады: то невозможно, это непрактично, а это – бесполезно. Не приемлют никаких возражений. Да вот хотя бы и тебя взять, для примера, чего там далеко ходить? Что ты говоришь о психоистории? «Она представляет чисто теоретический интерес, но не имеет никакого отношения к практике». Так ведь?

– И да, и нет, – раздраженно отозвался Селдон. – Да, она бесполезна в плане практики, но отнюдь не из-за того, что во мне напрочь погиб дух авантюризма и всяческая романтика. Она действительно бесполезна.

– По меньшей мере, – саркастически проговорил Челвик, – твоя убежденность является следствием существования атмосферы упадка, которая царит во всей Империи.

– Таково твое убеждение, – сердито буркнул Селдон. – А вдруг ты ошибаешься?

Челвик замолчал, задумался.

– Да, я могу ошибаться, – кивнул он наконец. – Все, что я говорю, – плод интуиции, догадок. А для уверенности мне нужна работающая психоистория.

Селдон пожал плечами:

– Увы, мне нечем тебя порадовать. Но допустим, что ты прав. Допустим, что Империя действительно катится вниз по наклонной плоскости. Но ведь и после этого люди будут жить на свете.

– Да, но как они будут жить, вот в чем вопрос, дружище! Почти двенадцать тысячелетий Трентор властью Императоров ухитрялся удерживать в Империи мир и спокойствие. Конечно, были периоды беспокойства – бунты, локальные гражданские войны, множество трагедий, – но в общем и целом мир сохранялся. Почему Геликон проводит проимперскую политику? Да-да, твой родной мир. Да потому, что он маленький и слабый и соседние государства запросто поработили бы его, не поддерживай Империя его суверенитет и безопасность.

– Значит, ты предвещаешь всеобщую войну и анархию, если Империя отомрет?

– Безусловно. Надо честно сказать, я не большой поклонник Императора, да и всего института Империи, но не вижу ей достойной замены. Просто не вижу, какое еще установление могло бы обеспечить поддержание мира, и не желаю пустить события на самотек, пока не получу такой замены.

Селдон фыркнул:

– Ты рассуждаешь так, словно ты – властелин Галактики! Ты не позволишь, ты не желаешь... Тебе нужна замена... Кто ты такой, чтобы такое заявлять?

– Ты меня слишком буквально понял, – усмехнулся Челвик. – Я вовсе не себя лично имел в виду, не Четтера Челвика. На мой век Империи хватит за глаза. Очень может быть, что при моей жизни даже наметятся кое-какие изменения к лучшему. Жизнь – штука переменчивая. Упадок может смениться временным подъемом. До смертельной агонии еще далеко, может быть, целая тысяча лет, и, как ты понимаешь, к тому времени мое брэнное тело будет давным-давно упокоено в земле, а потомков после меня не останется. Я не женат, с женщинами встречаюсь изредка, детей у меня нет, и заводить их я не собираюсь. Так что я не оставлю судьбе заложников и охотников за наследством. Кстати, после твоего доклада, Селдон, я навел о тебе справки, ты уж извини. У тебя ведь тоже нет детей?

– Да, детей у меня нет, но живы родители и есть два брата. Я однажды был очень сильно влюблен, – добавил Селдон, смущенно улыбнувшись, – но этой женщине казалось, что ее я люблю гораздо меньше, чем математику.

– Она была права?

– Мне так не казалось, да что толку? Главное, что так казалось ей. Словом, она меня бросила.

– И с тех пор ты одинок.

– Да. Это было так больно, что я до сих пор не в силах забыть.

– Ну что ж, выходит, мы оба по идее вправе сложить руки и дать другим возможность суетиться, что-то придумывать, а в итоге – страдать, когда нас с тобой уже не станет на свете. Знаешь, раньше у меня были подобные мысли, но не теперь. Теперь у меня есть инструмент, и я добьюсь своего.

– Что за инструмент? – спросил Селдон, заранее зная ответ.

– Ты! – ответил Челвик.

Поскольку Селдон ожидал именно этого ответа, он не стал разыгрывать удивление и возмущение. Он просто покачал головой и сказал:

– Ты жестоко ошибаешься. Инструмент из меня никудышный.

– Почему?

Селдон обреченно вздохнул:

– Сколько же можно повторять одно и то же? Психоистория не предназначена для практического применения. Трудность ее внедрения в практику носит фундаментальный характер. Всего пространства и времени Вселенной не хватит для решения проблем, для ответа на необходимые вопросы.

– Ты в этом уверен?

– К несчастью, да.

– Но твоя задача состоит не в том, чтобы предсказывать всю будущую судьбу Галактической Империи, пойми. Тебе

вовсе не нужно подробно прогнозировать действия каждого отдельного человека, даже каждого отдельного мира. Тебе нужно просто-напросто дать ответ на несколько вопросов: погибнет ли Галактическая Империя, и если да, то когда это произойдет? В каких условиях после этого окажется человечество? Можно ли что-либо предпринять для отсрочки гибели Империи либо для смягчения обстоятельств, которые эта гибель повлечет за собой? На мой взгляд, это не такие уж сложные вопросы.

Селдон покачал головой и грустно проговорил:

– История математики битком набита самыми простыми вопросами, ответы на которые оказались безумно сложными, а то и вообще не были найдены.

– И так-таки ничего нельзя сделать? Я вижу, что Империя погибает, но не могу этого доказать. Все мои заключения субъективны, и я никак не могу доказать свою правоту. А из-за того, что моя точка зрения никого не может обрадовать по сути, люди предпочтут отвернуться и не слушать меня, и для предотвращения гибели или, по крайней мере, для смягчения удара ничего не будет сделано. А вот ты мог бы *доказать* истинность упадка или, наоборот, опровергнуть мои предположения.

– Но ведь именно этого-то я как раз и не могу сделать! Как я могу найти отсутствующие доказательства? Я не могу превратить математические выкладки в практические, если они не таковы по своей природе. Нельзя взять два четных

числа, сложить и получить в сумме нечетное, как бы страстно ты сам или вся Галактика ни желали получить в ответе нечетное число!

– Я понял тебя, – буркнул Челвик. – Ты – порождение упадка. Ты добровольно признаешь поражение.

– Разве у меня есть выбор?

– А разве нельзя хотя бы попытаться? Какими бы бесплодными ни казались тебе мои трепыхания, что лучшего ты бы мог сделать за свою жизнь, чему бы еще ты мог ее посвятить? У тебя есть более высокая цель?

Селдон часто-часто заморгал.

– Но... Миллионы миров. Миллиарды культур. Квадриллионы людей. Квинтиллионы взаимосвязей... И ты хочешь, чтобы я один упорядочил все это?

– Нет, я хочу, чтобы ты просто *попытался*. Ради вот этих самых миллионов миров, миллиардов культур и квадриллионов людей. Не ради Императора. Не ради Демерзеля. Ради человечества.

– У меня не получится.

– Не получится так не получится. Но ты попытаешься?

И... против своей воли, сам не понимая почему, Селдон услышал собственный ответ:

– Попытаюсь.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

Путешествие наконец завершилось, и такси подлетело к стоянке, которая оказалась гораздо обширнее, чем та, где приятели останавливались перекусить. (Селдон еще не забыл вкуса злополучного сэндвича и огорченно скривился.)

Челвик припарковал такси, вышел и скоро вернулся, на ходу убрав кредитную карточку во внутренний карман рубашки.

– Здесь ты в полной безопасности, как я и обещал, – сообщил он Селдону. – Мы находимся в секторе Стрилинг.

– Стрилинг?

– Вроде бы сектор назван в честь того, кто основал тут поселение. Большинство секторов названо в чью-то честь, вследствие чего названия чаще всего неуклюжи, а порой труднопроизносимы. И все равно здешние жители ни за какие коврижки не согласятся переименовать Стрилинг в какой-нибудь там Парадиз или что-нибудь в таком роде. Попробуй предложить – получишь по физиономии, и дело с концом.

– Парадизом тут и не пахнет, – пошутил Селдон, брезгливо наморщив нос.

– Парадизом не пахнет нигде на Тренторе, но ты привыкнешь.

– Я так рад, что мы сюда попали, – признался Селдон. –

Не то чтобы я рад, что мы попали именно сюда, но просто я до смерти устал от сидения в такси. Представляю себе, если бы мы пустились в облет всего Трентора. Бр-р-р... На Геликоне в любое место можно добраться по воздуху гораздо быстрее, чем здесь преодолеть расстояние в две тысячи километров.

– У нас тоже есть воздушные катера.

– Так почему же мы...

– Видишь ли, просто путешествие на такси мне легко было организовать так, чтобы оно прошло анонимно. С катером такого бы не вышло. И как бы безопасно мы себя тут ни чувствовали, гораздо спокойнее будет, если Демерзель не будет знать наверняка, где ты находишься. На самом деле еще не все позади. Надо еще добраться экспрессом до конечной станции.

Селдон понял, о каком виде транспорта говорит Челвик.

– Это такие открытые поезда, что ходят по рельсам?

– Точно.

– На Геликоне такого транспорта нет, да он там и не нужен. А на вашем экспрессе я уже катался, в самый первый день, как на Трентор прилетел. От аэропорта до гостиницы. Так, для новизны впечатлений очень даже ничего, но как представишь, что все время нужно на нем мотаться... Толпы народу, путаница такая...

– Ты что, заблудился?

– Да нет, там было полно указателей. Немного замешкал-

ся на входе и выходе, но мне сразу пришли на помощь. Теперь-то я понимаю, что по одежде во мне сразу признали чужеземца. Советчиков была целая куча, наверное, потому, что им приятно было наблюдать мою растерянность.

– Ну, раз уж ты теперь такой специалист по путешествиям на экспрессе, теряться тебе больше нечего.

Эту фразу Челвик произнес тепло и дружески, но в уголках его рта притаилась улыбка.

– Пошли.

Они не спеша зашагали по улице, которая была освещена так ярко, что создавалось впечатление дня в полном разгаре, но при этом казалось, что несуществующее небо подернуто облаками и солнце (тоже несуществующее) то заходит за тучку, то снова выходит из-за нее. Селдон инстинктивно поднял глаза к «небу», но, естественно, никаких тучек не увидел.

Заметив его взгляд, Челвик пояснил:

– Считают, что такая смена освещенности благотворно воздействует на психику людей. Бывают дни, похожие на солнечные, а порой устраивают нечто вроде сплошной облачности.

– Но при этом ни дождя, ни снега?

– Да, и ни града, ни слякоти. Ничего такого. Ни повышенной влажности, ни пронизывающего холода. Видишь, Селдон, есть у Трентора свои недостатки, даже сейчас.

На улицах было довольно-таки многолюдно, причем на-

род встречался в основном молодой, попадались и дети, что бы там Челвик ни говорил о падении рождаемости. При взгляде на пешеходов создавалось впечатление, что люди тут живут обеспеченные и довольные жизнью. Мужчины встречались так же часто, как и женщины, и одеты все были гораздо более скромно, чем в Имперском секторе. Здесь костюм Селдона, подобранный для него Челвиком, выглядел совершенно естественно. Людей в шляпах встречалось немного, и Селдон с облегчением сдернул свою и взял ее под мышку.

Противоположные стороны улицы здесь не отделяла одну от другой глубокая пропасть, и, как и обещал Челвик, пешеходы передвигались, можно сказать, по уровню земли. Транспорта на улицах не было совсем, и Селдон спросил у Челвика, с чем это связано.

– В Имперском секторе, – объяснил Челвик, – машин много потому, что там ими пользуются служащие официальных структур. В других же местах частным транспортом пользуются крайне редко и для владельцев машин отведены специальные туннели. Фактически машины и не нужны, ведь есть экспресс-линии, а для передвижения на небольшие расстояния – движущиеся тротуары. А уж когда расстояние совсем невелико – можно и на своих двоих добраться.

До слуха Селдона донеслись приглушенные вздохи и вскрики, и вскоре он увидел вдалеке длинную вереницу вагончиков экспресса.

– Погляди, вон он, экспресс, – показал он рукой.

– Вижу, только нам лучше сесть на стоянке. Там и маршрут можно поточнее выбрать, и сесть легче. Ты пока все-таки, мне кажется, не сумеешь впрыгнуть в вагончик на ходу. Есть у нас такие акробаты-лихачи. Им кажется, что это у них ловко получается, вот они и выпендриваются, но, увы, частенько получают травмы.

– А разве не существует правил?

– Отчего же не существует? Существуют правила, и время от времени нарушителей даже наказывают, к всеобщему и полному удивлению.

Как только приятели удобно уселись в вагончике экспресса, Селдон обернулся к Челвику и сказал:

– Что меня удивляет, так это что экспресс движется так спокойно, равномерно. Я понимаю, что здесь действует электромагнитное поле, но все равно это удивительно! – воскликнул он, прислушиваясь к негромким звукам, возникавшим при соприкосновении их вагончика с соседними.

– Да, замечательная транспортная система, – согласился Челвик, – но, увы, ты не застал ее лучших дней. Когда я был помоложе, шума было еще меньше, а те, кто ездил на экспрессе пятьдесят лет назад, утверждают, что в то время вагончики вообще катились как по маслу, но я почти уверен, что это просто ностальгическая идеализация прошлого.

– Почему же теперь все стало иначе?

– А ухаживают паршиво, вот и все. Я же говорил тебе на-

счет упадка.

Селдон нахмурился:

– Уверен, люди не сидят, воздев глаза к небесам, и не повторяют как заклинание: «Мы в упадке, мы в упадке, пусть все идет прахом, и экспресс в том числе».

– Нет, конечно, ничего такого не происходит. По-прежнему следят за исправностью оборудования, заменяют износившиеся узлы и детали, магниты, истершуюся обшивку на сиденьях и так далее. Но все это как-то лениво, небрежно и не так часто, как раньше. Просто денег не хватает, вот и все.

– И куда же деваются деньги?

– На всякие другие дела. Мы пережили ряд беспокойных столетий, флот разросся, содержание его обходится гораздо дороже, чем раньше. Военным платят побольше, чтобы они, не дай бог, не взбунтовались. За спокойствие приходится платить.

– Но вообще-то при Клеоне жизнь течет более или менее спокойно. Пятьдесят лет непрерывного мира.

– Да, но военные, которым хорошо платят, не согласны, чтобы из-за мира им снижали оплату. Адмиралы держатся за свои траченые молью корабли и не желают даже слушать о понижении в звании просто потому, что им больше нечем в жизни заняться. Словом, деньги рекой текут без всякой отдачи в армию, а тем временем социальная сфера потихоньку разваливается и нищает. Вот это я и называю упадком. Раз-

ве это не так? Тебе разве не кажется, что на эти вещи невозможно закрыть глаза и не учесть их в твоей будущей психологии истории?

Селдон недовольно заерзал на сиденье:

– А куда мы, кстати, направляемся?

– В Стрилингский Университет.

– А, так вот почему название сектора показалось мне знакомым! Я слышал об этом Университете.

– Ничего удивительного. На Тренторе – около ста тысяч высших учебных заведений, а Стрилинг входит в тысячу самых престижных.

– Мне придется там задержаться?

– Ненадолго. Кстати говоря, университетские кампусы – неприкасаемые святыни, и там ты будешь в полной безопасности.

– Да, но будут ли там мне рады?

– Что за вопрос! В наши дни совсем нелегко отыскать хорошего математика. Для тебя там почти наверняка найдется работа. Да и ты, надеюсь, сумеешь извлечь из пребывания в Университете пользу. Не просто же прятаться там будешь.

– Ты, конечно, хочешь сказать, что там у меня будет возможность поработать над своими выкладками?

– Ты дал обещание, – напомнил Челвик.

– Я обещал *попробовать*, – уточнил Селдон, а про себя подумал, что его обещание было равносильно попытке сплести веревку из песка...

Разговор сам собой прекратился, и Селдон углубился в рассматривание окрестностей. Постройки отличались приятным разнообразием. Среди них попадались и невысокие здания, и уходящие под самые «небеса». Улицы сменялись широкими площадями.

Внимательно разглядывая здания, Селдон крайне удивился, что многие из них не только сильно возвышались над землей, но и довольно глубоко уходили под землю, и неизвестно, какая их часть доминировала – надземная или подземная.

Время от времени поодаль от линии экспресса мелькали островки свежей зелени – чаще всего газоны, засаженные травой, но кое-где попадались и невысокие деревца.

Селдон смотрел и смотрел по сторонам, и вдруг ему начало казаться, что свет меркнет. Он обернулся к Челвику, тот прочел вопрос в глазах математика и объяснил:

– Вечер на исходе. Скоро ночь.

Брови Селдона вздернулись, уголки рта опустились.

– Восхитительно! Я представил себе, как вся планета погружается в темноту, а потом вновь озаряется светом...

Челвик усмехнулся:

– Не совсем так, Селдон. Планета никогда не выключается, образно говоря, одновременно вся и не включается. Тень сумерек продвигается по Трентору постепенно. Минует пол-

дня, и затем постепенно загорается рассвет. На самом деле все происходит примерно так же, как наверху, над куполом. На высоких широтах даже долгота дня меняется в зависимости от времени года.

Селдон покачал головой:

– Не понимаю... Зачем же было нужно заковывать планету в броню, а потом пыжиться изо всех сил, пытаясь создать условия, приближенные к естественным?

– Наверное, потому, что людям так больше нравится. Тренторианцы ценят преимущества жизни под куполом, но не желают смиряться со скукой и однообразием. Ты просто маловато пока знаешь тренторианскую психологию, Селдон.

Селдон залился легким румянцем. Конечно, он ведь все-го-навсего простой геликонец, прожил там всю жизнь, и откуда ему было знать обо всем, что творится в миллионах миров за пределами родной планеты? Но как же тогда он мог надеяться на успех в разработке основ психоистории?

Но, с другой стороны... Сколько нужно собрать вместе людей, чтобы они знали все обо всем?

Эти размышления заставили Селдона вспомнить загадку, которую ему кто-то загадал, когда он был помоложе. Загадка была такая: «Можно ли сделать так, чтобы сколь угодно большое число людей не смогло поднять с земли относительно небольшой кусок платины, пускай даже снабженный скобами для удобства? Вероятно ли это?»

Ответ был однозначный: да, вероятно. Кубический метр платины весит двадцать две тысячи четыреста двадцать килограммов при нормальной силе притяжения. Допустим, одному человеку под силу оторвать от земли вес, равный ста двадцати килограммам. Тогда для того, чтобы поднять кубометр платины, хватит ста восьмидесяти восьми людей. Однако загвоздка в том, что никак нельзя разместить сто восемьдесят восемь человек вокруг куба так, чтобы каждый имел возможность схватиться. По идее собрать для подъема можно не более девяти человек. А никакими рычагами и тому подобными устройствами по условиям задачи пользоваться не разрешалось. Только «грубой силой», без всяких приспособлений.

Точно так же невозможно было собрать столько людей, чтобы их пускай даже самые умные головы вмещали всю сумму знаний, необходимых для разработки психоистории. Даже компьютеры не в состоянии вместить такую сумму знаний.

– Что грустит, Селдон? – прервал молчание Челвик.

– Да так. Расписываюсь в собственном невежестве.

– Почтенное занятие. И главное, ты не одинок. К тебе могли бы запросто присоединиться квадриллионы народа. Однако нам пора выходить.

– Откуда ты знаешь? – удивился Селдон.

– Оттуда же, откуда ты узнал, когда тебе выходить, когда первый раз ехал экспрессом. Я на знаки поглядываю.

И Селдон тут же увидел проплывавшее мимо название станции: «Стрилингский Университет, стоянка три минуты».

– Давай быстренько, а то затолкают. Не горюй, скоро наловчишься, научишься скакать так, что даже газету на ходу читать сумеешь.

– Для этого мне придется здорово подзадержаться на Тренторе... – пробормотал Селдон, крепко ухватив Челвика за руку.

Небо окрасилось в темно-лиловые тона, в домах зажигались огни.

Точно так же наступала ночь на Геликоне. Если бы Селдона привезли сюда с завязанными глазами, а потом сдернули повязку, он был бы уверен, что никуда не улетал с Геликона и находится в новом районе одного из крупных городов.

– Челвик, как ты думаешь, долго мне придется пробыть в Университете? – спросил он.

– Трудно сказать, Селдон, – как всегда спокойно отозвался Челвик. – Может быть, всю жизнь.

– Что?!

– А может быть, и нет. Но с тех пор, как ты сделал доклад о психоистории, твоя жизнь перестала тебе принадлежать. Император и Демерзель тебя сразу разглядели. Я тоже. Насколько мне известно, не только они и я. Словом, надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты сам себе больше не принадлежишь.

Глава 4

Библиотека

*ВЕНАБИЛИ, ДОРС – историк, родилась на Цинне. ...Вероятно, жизнь этой женщины и далее не представляла бы собой ничего особо примечательного, если бы, проработав два года в Стрилингском Университете, она не познакомилась с молодым Гэри Селдоном во время его Бегства...
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*

16

Комната, в которую привел Селдона Челвик, оказалась более просторной, чем квартирка Челвика в Имперском секторе. Большими удобствами она, правда, не отличалась, все по минимуму: кровать, в углу – умывальник. Никаких приспособлений для приготовления пищи. Окна в комнате тоже не было, а на потолке мерно жужжал вентилятор.

Селдон растерянно оглядел комнату.

Челвик, как обычно, отреагировал на растерянность Селдона:

– Это только на одну ночь, Селдон. Завтра утром пришлют кого-то, кто определит тебя в Университет, и тебя

устроят поудобнее.

– Челвик, ты меня прости, конечно, но откуда тебе это известно?

– Я все устрою. У меня тут есть пара-тройка знакомых. А эти люди, – криво усмехнувшись, добавил он, – в некотором смысле мои должники, вот я с них и требую мзду. А теперь давай обсудим кое-какие мелочи.

Он пристально посмотрел на Селдона:

– Со всем, что ты оставил в гостинице, придется распрощаться навсегда. У тебя осталось что-нибудь особо ценное, незаменимое?

– Да нет, ничего такого. Кое-какие безделушки, милые сердцу и связывающие меня с прошлым, но это можно пережить. Что упало, то пропало. Потом... кое-какие заметки по докладу. Расчеты. И сам доклад.

– Который теперь можно считать достоянием общности, – закончил Челвик, – и таковым он останется до тех пор, пока его не изымут из обращения как материал, представляющий известную опасность. Тем не менее, если понадобится, я сумею раздобыть копию, я уверен. Но, думаю, ты сможешь его восстановить, не так ли?

– Смогу. Потому я и сказал, что горевать мне особо не о чем. Еще там остались все мои деньги – что-то около тысячи кредиток, книги, одежда, обратный билет до Геликона и тому подобные вещи.

– Ну, это все ерунда... Значит, нужно будет устроить, что-

бы на твоё имя выписали кредитную карточку с моего счёта. Этого хватит на повседневные мелкие расходы.

– Слишком щедрый подарок. Я не могу его принять.

– Никакой щедрости. Взамен я приобретаю спасение Империи. Так что придется тебе принять этот дар.

– Но откуда у тебя столько денег, Челвик? И пойми, если я и стану пользоваться этой карточкой, то с нелегким сердцем.

– Селдон, поверь, у меня хватит средств, чтобы обеспечить тебе сносное существование. Естественно, я не собираюсь ссужать тебя суммой для покупки университетского гимнастического зала или позволять швырять на ветер миллионы.

– Да нет, я ничего такого не имел в виду, но все-таки как же... Ведь мое имя будет зарегистрировано?

– Будет, и ничего страшного. Имперское правительство не имеет никакого права совать нос в дела Университета и его сотрудников. Тут полная свобода. Говори о чем хочешь, что хочешь обсуждай. Отдельное государство.

– Ну а если кто-то из сотрудников совершает преступление?

– Тогда дело рассматривается университетскими властями – беспристрастно и справедливо. Но никаких преступлений тут и в помине нет. Студенты и преподаватели высоко ценят собственную свободу и понимают и чтут ее законы. Ведь стоит тут пролиться крови, начаться беспорядкам,

как правительство тут же сочтет, что получило право нарушить негласный договор, и пришлет сюда войска. А это никому не нужно, в том числе и правительству, поэтому поддерживается спокойствие и равновесие. Другими словами, сам Демерзель не сумеет выцарапать тебя из Университета. Это ему дорого обойдется. Поверь мне, уже полтора года как никто из сотрудников и студентов не имеет никаких неприятностей с правительством. Но, с другой стороны, если какой-нибудь студент-сексот вытащит тебя за пределы территории Университета...

– А что, среди студентов есть такие?

– Откуда мне знать? Ведь в принципе любого человека можно запугать, одурачить, а то и попросту купить, и тогда он станет прихвостнем Демерзеля или кого-нибудь еще. Поэтому подчеркиваю: в общем и целом ты здесь в безопасности, но *никто* и никогда в абсолютной безопасности не пребывает. Действовать надо осторожно и осмотрительно. Однако мне не хотелось бы, чтобы, вняв моему совету слишком буквально, ты только и делал, что оглядывался по сторонам и шарахался от каждого встречного. Все равно, как бы то ни было, тут тебе будет спокойнее, чем на Геликоне, да и в любом другом мире, кроме Трен-тора.

– Очень надеюсь, – обреченно вздохнул Селдон.

– Вот и правильно, – ободрил его Челвик. – В противном случае я бы не смог тебя покинуть.

– Покинуть? Ты что, хочешь бросить меня тут? – испуган-

но воскликнул Селдон. – О, не делай этого! Ты тут все знаешь, а я ничего!

– С тобой рядом будут другие, кто знает этот мир, пожалуйста, даже лучше меня. А мне пора. Я с тобой пробыл весь день, и время приняться за свои дела. Мне нельзя привлекать к себе излишнего внимания. Не забывай, мне ведь тоже может грозить опасность, не меньше, чем тебе.

Селдон смутился и покраснел.

– Ты прав. Действительно, не можешь же ты из-за меня бесконечно рисковать. Надеюсь, пока ничего страшного не случилось?

Челвик пожал плечами:

– Кто знает? Мы живем в тревожные времена. Ты только помни: если и есть на свете кто-то, кто может сделать их менее тревожными – пусть не для нас, пусть для тех, кто придет после нас, – то этот кто-то – ты, Селдон. И не расставайся с этой мыслью, Селдон. Пусть она тебе поможет.

17

Заснуть Селдону не удалось. Он ворочался в темноте с боку на бок и все думал, думал... С того мгновения, как Челвик коротко кивнул ему на прощание, быстро пожал руку и вышел, Селдону стало так одиноко и тоскливо, как до сих пор не было никогда. Он остался один-одинешенек в совершенно чужом мире, на незнакомом островке этого мира. Тот

единственный, кого он уже был готов назвать своим другом, покинул его, а он даже не представлял, куда податься и чем заняться и завтра, и потом...

От таких мыслей заснуть было просто невозможно, но, конечно, именно тогда, когда Селдон решил, что ему предстоит бессонная ночь, усталость взяла свое, и он провалился в сон.

Когда он проснулся, было еще темно – вернее, не совсем темно, поскольку мелькал красноватый свет и раздавалось странное прерывистое жужжание. Наверняка эти звуки и вспышки и разбудили математика.

Пока он отчаянно пытался вспомнить, где находится, вспышки и жужжание прекратились, раздался настойчивый стук.

Скорее всего, стучали в дверь, но Селдон даже не мог вспомнить, в какой она стороне и где выключатель.

Он сел на постели и принялся шарить пальцами по стене в поисках выключателя, приговаривая:

– Подождите минуточку, пожалуйста!

Наконец пальцы его нащупали кнопку, он нажал ее, и комната тут же озарилась мягким светом.

Сонно моргая, Селдон слез с кровати, поискал глазами дверь, нашел, собрался было открыть, но тут вспомнил об осторожности и холодно, серьезно спросил:

– Кто там?

Очень приятный женский голос ответил ему:

– Меня зовут Дорс Венабили, мне нужен доктор Гэри Сел-

дон.

Не успела она договорить, как оказалась в комнате, у двери, которую Селдон еще не успел открыть.

Мгновение Селдон смотрел на нее не отрываясь, потом в ужасе вспомнил, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Он испуганно вобрал в себя воздух и бросился к кровати. Оглянувшись, он понял, что видит перед собой всего-навсего голограмму. Изображению немного недоставало реальности, и вдобавок женщина вовсе не смотрела на Селдона. Видимо, она предъявила свое изображение, чтобы Селдон увидел, что она именно та, за кого себя выдает.

Селдон с трудом перевел дыхание и сказал довольно громко, чтобы его голос был слышен за дверью:

– Если вы подождете, я впущу вас. Мне нужно... примерно полчаса.

Женщина, или, по крайней мере, ее голограмма, ответила:
– Хорошо, я подожду, – и исчезла.

Душа не было, поэтому Селдон кое-как помылся над раковиной. Тюбик с пастой был, а щетки не было, пришлось вычистить зубы пальцем. Выбирать не приходилось – Селдон облачился в подаренную Челвиком одежду и наконец отпер дверь.

Всякие мысли вертелись у него в голове, однако он успел сообразить, что женщина сказала о себе крайне мало. Подумаешь, имя назвала. Челвик его не предупредил, кто к нему может заглянуть. Дорс ли эта самая, как ее там, или кто дру-

гой. Он-то решил, что можно без опасений открыть дверь, раз там просто симпатичная молодая женщина, но кто знает, вдруг, кроме нее, там целый взвод дюжих молодцов?

Селдон осторожно выглянул в щелочку, убедился, что женщина одна, никого с ней нет, и открыл дверь пошире, пропуская гостью в комнату. Как только она вошла, Селдон тут же захлопнул и запер дверь.

– Простите, а который час? – спросил он.

– Девять, – ответила женщина. – День давно начался.

В отношении времени Трентор придерживался Галактического стандарта, поскольку только так можно было вершить дела в области межзвездной торговли и межправительственных контактов. Но помимо этого в каждом мире существовала своя, местная система измерения времени. А Селдон пока еще не успел свыкнуться с тем, что такое «час» потренториански.

– Середина утра? – уточнил Селдон.

– Верно, – ответила женщина.

– Да, долго я проспал, – смутился Селдон и тут же добавил, защищаясь: – Просто тут нет окна, понимаете?

Дорс подошла к кровати, протянула руку и коснулась пальцами небольшой черной точки на стене. На потолке, прямо над подушкой, тут же загорелись красные цифры: 09.03.

Улыбнувшись открыто и искренне, она проговорила:

– Простите меня. Я думала, что Четтер Челвик предупре-

дил вас о том, что я зайду в девять. Прямо беда с ним. Он так привык к тому, что все всё знают, что даже и мысли не допускает о том, что кто-то порой все-таки может чего-то не знать... Видимо, я зря воспользовалась радиоголографической системой идентификации. По всей вероятности, вы с этим незнакомы, и я вас, наверное, напугала.

Селдон сразу успокоился. Женщина вела себя на редкость искренне и дружелюбно, а как только прозвучало имя Челвика, все встало на свои места.

– Что касается радиоголографии, мисс...

– Зовите меня просто Дорс.

– Так вот, Дорс, что касается радиоголографии, вы не правы. Ею пользуются на Геликоне, и я знаю, что это такое, просто мне такая роскошь была не по карману, да и не только мне, всем людям моего круга, поэтому, так сказать, в руках я этой штуки не держал. Но я все понял и не испугался, уверяю вас.

Селдон рассматривал гостью. Роста она была невысокого, прямо скажем – среднего. Волосы – золотисто-рыжие, скорее медные, ровно и красиво вьющиеся, довольно коротко стриженные. (Женщины с такими стрижками уже попадались Селдону на Тренторе. Видимо, такие прически были сейчас в моде. На Геликоне же даму с подобной стрижкой подняли бы на смех.) Особой красотой лицо Дорс не блистало, но отличалось удивительной миловидностью. Вероятно, этому в немалой степени помогали мягкие, пухлые губы,

готовые в любую минуту расплыться в улыбке. Дорс была стройна, пропорционально сложена и на вид довольно молодая. («Слишком молодая, – подумал про себя Селдон, – чтобы на нее можно было положиться».)

– Вы решили мне инспекцию учинить? – кокетливо поинтересовалась Дорс. (Похоже, у нее, как и у Челвика, был врожденный талант к чтению чужих мыслей, а может быть, Селдон начисто был лишен способности скрывать свои.)

– Простите, – смущенно ответил Селдон. – Вышло, что я вас вроде бы разглядываю, а я просто задумался. Поймите, здесь все чужое для меня, у меня здесь совсем нет друзей.

– Прошу вас, доктор Селдон, считайте меня своим другом. Мистер Челвик велел мне о вас заботиться.

Селдон усмехнулся:

– Боюсь, вы для такой заботы слишком молоды.

– Вы скоро убедитесь, что это не так.

– Ну что ж, постараюсь доставлять вам как можно меньше хлопот. Если вам не трудно, повторите, пожалуйста, ваше имя.

– Дорс Венабили, – старательно выговаривая буквы, повторила женщина, сделав подчеркнутое ударение на втором слоге фамилии. – Как я уже сказала, звать меня можете просто Дорс, обращаться можете на «ты». Я надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Гэри? Здесь, в Университете, мы не уделяем большого внимания формальностям, и все стараются никоим образом не подчеркивать ни должности,

ни ученого звания.

– Конечно, никаких возражений. Зовите... зови меня Гэри.

– Отлично. Ну, теперь дальше, без формальностей. Так... инстинкт подсказывает, что при соблюдении правил этикета я должна была бы попросить разрешения сесть. Ну а раз мы от формальностей отказались, я просто сяду, и все.

И Дорс уселась на единственный стул.

Селдон прокашлялся:

– Прости, пожалуйста. На самом деле это я должен был предложить тебе сесть. Что же это я...

Он уселся на краешек неприбранной кровати. Ему было жутко не по себе, и он принялся, стараясь делать это незаметно, разглаживать складки одеяла...

Дорс, казалось, ничего не замечала.

– Значит, так, Гэри, для начала мы позавтракаем в одном из университетских кафе. Затем я устрою тебя в общежитии – там комнаты намного удобнее, чем эта. Кстати, там будет и окно. Челвик попросил меня позаботиться о том, чтобы тебе была выдана кредитная карточка с его счета. На это мне понадобится день-два. Тут у нас народ въедливый. А пока все твои расходы буду оплачивать я, потом сочтемся. Потом... У нас найдется для тебя работа. Четтер Челвик сказал мне, что ты – математик, а у нас сейчас по кое-каким причинам хороших математиков как раз не хватает.

– А Челвик сказал, что я – *хороший* математик?

– Конечно, так и сказал. Еще он сказал, что ты – исключительный человек. Выдающийся.

– Ну, знаешь... – Селдон уставился на свои ногти. – Это, спору нет, приятный комплимент, но ведь с Челвиком мы только сегодня познакомились, а чуть раньше он слышал мой доклад, о качестве которого он, не будучи специалистом, судить может лишь весьма приблизительно. Думаю, он так сказал просто из вежливости.

– А я так не думаю, – покачала головой Дорс. – Он и сам человек необыкновенный, и у него огромный опыт общения с людьми. Я его мнению верю. Как бы то ни было, у тебя будет возможность доказать, на что ты годишься. Надеюсь, ты с компьютером управляться умеешь?

– Конечно.

– Я имею в виду обучающие компьютеры. Ты умеешь составлять программы для обучения различным разделам современной математики?

– Да. Я этим занимался постоянно. В Геликонском Университете у меня должность старшего преподавателя кафедры математики.

– Знаю, – кивнула Дорс. – Челвик говорил. Правда, когда об этом узнают, все поймут, что ты не с Трентора, но особых сложностей возникнуть не должно. Здесь, в Университете, и тренторианцев хватает, но есть сотрудники и студенты из самых разных миров, и никто на них косо не смотрит. Не хочу сказать, что ты прямо-таки не столкнешься

ни с какими разговорчиками на тему о том, кто с какой планеты, но должна тебе честно сказать: провинциалы на такое брюзжание гораздо более падки. Между прочим, я и сама – не местная.

– Правда? – воскликнул Селдон, тут же смутился, но решил, что ничего невежливого не будет, если он спросит, откуда родом Дорс. – Откуда же ты, если не секрет?

– С Цинны. Слышал про такую?

Врать бесполезно, решил Селдон, и честно ответил:

– Нет.

– Ничего удивительного. Моя родная планета, пожалуй, еще менее известна, чем Геликон. Кстати, возвращаясь к вопросу о программировании... Насколько я понимаю, программу можно составлять либо хорошо, либо плохо.

– Ты совершенно права.

– А ты можешь составить такую программу хорошо?

– Надеюсь, сумею.

– Вот и отлично. Университет тебе за это заплатит. А теперь пойдем позавтракаем. Как спалось, кстати говоря?

– Как ни странно, я уснул.

– А есть хочешь?

– Хочу, только...

Селдону стало неловко.

– Понятно, – улыбнулась Дорс. – Тебя беспокоит качество пищи. Не волнуйся. Мне твои страдания вполне понятны, я ведь тоже не тренторианка и сама через это прошла.

В Университете очень неплохой выбор блюд. По крайней мере, в преподавательских столовых. Студентам приходится потуже, но тут считают, что они таким образом закаляются.

Дорс встала и направилась к двери. Вопрос Селдона остановил ее на полпути:

– А ты преподавательница, Дорс?

Она обернулась и укоризненно улыбнулась:

– Что, слишком молодо выгляжу? Докторскую диссертацию я защитила два года назад, еще на Цинне, и с тех пор работаю здесь. Через две недели мне стукнет тридцать.

– Извини, пожалуйста, – улыбнулся Селдон в ответ. – Выглядишь ты на двадцать четыре, так что поневоле возникают сомнения относительно наличия у тебя ученой степени.

– А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, – показала головой Дорс, и Селдону сразу стало легко. «Все будет хорошо, – решил он. – Вот я уже флиртую с очаровательной женщиной, значит, все будет хорошо».

18

Дорс оказалась права. Завтрак был совсем недурен. В одном из блюд явно присутствовали свежие яйца, мясо было прекрасно зажарено. Какао (на Тренторе обожали какао, и Селдон не имел ничего против этого), наверное, было синтетическое, но вкусное, а булочки – просто прелесть!

Селдон не мог не поделиться впечатлениями:

– Замечательный завтрак. И еда отличная, и обстановка.

– Рада, что тебе понравилось, – улыbnулась Дорс.

Селдон разглядывал столовую. Вдоль одной из стен шел ряд окон, и хотя в них проникал не настоящий свет, а искусственное освещение, Селдон и ему был рад и скоро перестал огорчаться отсутствию солнечных зайчиков на полу. За окнами было очень светло: видимо, сегодня местный климатический компьютер почему-то решил, что пора устроить ясный погожий денек.

Столики были рассчитаны на четверых, большинство мест было занято, но к Дорс и Селдону никто не подсел. Все вежливо кланялись, но усаживались за другие столики. Наверняка это было делом рук Дорс, очевидно, она хотела, чтобы они с Гэри завтракали в одиночестве, но как ей это удалось, Селдон никак не мог понять.

– Дорс, – сказал он, – ты пока не познакомила меня ни с кем из математиков.

– Просто пока никого не заметила из знакомых. У большинства математиков рабочий день начинается рано, с восьми часов – занятия. Лично мне кажется, что это из-за того, что студенты так сильно любят математику, что стремятся покончить с ней как можно раньше.

– Наверное, это из-за того, что ты сама не математик.

– Да, уволь, только не это! – рассмеялась Дорс. – Я историк. У меня уже вышло несколько статей по истории Тренора эпохи расцвета – не теперешнего, а времени, когда

тут только зарождалось королевство. Я думаю, на этом мои изыскания и останутся по времени. Тренторианское Королевство.

– Замечательно! – воскликнул Селдон.

– Замечательно? – удивилась Дорс. – Тебя что, интересует это время?

– В некотором роде да. И это, и другие тому подобные вещи. Я ведь никогда серьезно историей не занимался, а теперь придется.

– Придется? Почему? Если бы ты изучал историю, у тебя бы не хватило времени на математику. А математики так нужны, особенно у нас в Университете. Историков тут – выше крыши. И экономистов полно, и социологов, и политологов, а вот с математиками – прямо беда. Четтер Челвик как-то говорил со мной об этом. Он сказал, что это свидетельство упадка науки. Похоже, он думает, что это явление носит всеобщий характер.

– Ты меня не так поняла, – покачал головой Селдон. – Говоря об изучении истории, я вовсе не имел в виду, что собираюсь сделать ее делом всей жизни. Нет, мне просто нужно расширить свои познания в этой области. Это необходимо мне для проведения математических исследований. Я специализируюсь в математическом анализе социальных структур.

– Звучит кошмарно.

– Согласен. Это ужасно сложно, и пока я не узнаю поболь-

ше о том, как протекало развитие человеческих сообществ, социальных формаций, моя работа просто безнадежна. Пока я получил всего-навсего статичную картину, понимаешь?

– Нет, не понимаю, потому что для меня это пока – пустой звук. Четтер мне сказал, что ты разрабатываешь что-то такое, что зовется психоисторией, и что это очень важно. Правильно я назвала? Психоистория?

– Правильно. Сначала я хотел назвать эту науку «психосоциология», но слово показалось мне уж очень неуклюжим. Может быть, я уже тогда инстинктивно чувствовал, что без истории мне не обойтись, но сознательно – нет, это я точно помню.

– Пожалуй, «психоистория» действительно звучит приятнее, но только я все равно понятия не имею, что это такое.

– Я сам, честно говоря, понятие имею весьма приблизительное, – признался Селдон и умолк, глядя в глаза Дорс и думая о том, что общество такой милой женщины, вероятно, приятно скрасит его неожиданную ссылку. Он вспомнил о той женщине, которую знал и любил, но заставил себя не думать о ней. Если и суждено ему когда-нибудь обрести подругу жизни, то это будет такая женщина, которая поймет, что значит преданность науке и чего эта преданность требует от человека.

Решив перевести разговор на другую тему, Селдон проговорил:

– Послушай, Дорс, Челвик говорил мне, что правитель-

ство совершенно не вмешивается в университетские дела. Это правда?

– Правда.

Селдон недоверчиво покачал головой:

– Даже не верится. Просто невероятно! У нас на Геликоне высшие учебные заведения такой независимостью похвастаться не могут.

– На Цинне тоже. Таких заведений во всей Галактике – по пальцам сосчитать можно. На Тренторе – дело другое.

– Но почему?

– Потому что здесь – столица Империи. Университеты пользуются здесь необыкновенным престижем. Да, специалистов выпускают все Университеты, но только здесь, на Тренторе, осуществляется обучение и выпуск административных кадров для Империи, чиновников высших рангов, тех самых миллионов управленцев, которые тянут за собой щупальца Империи и дотягивают их до самых дальних уголков Галактики.

– Я, правду говоря, статистики не читал...

– Поверь мне на слово. Считается, что крайне важно, чтобы у имперских администраторов воспитывалось чувство общности, чувство ответственности за судьбу Империи. И конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы все они поголовно были коренными тренторианцами – иначе другие миры обидятся и забеспокоятся, не дай бог. А поэтому Трентор старается завлекать сюда как можно больше студентов

из других миров. И совершенно не важно, откуда приезжает студент, с каким акцентом разговаривает, какова культура его родной планеты, лишь бы только он побыстрее ассимилировался на Тренторе и стал отождествлять себя с тренторианской системой образования. Это в значительной степени способствует консолидации Империи, и провинциальные миры ведут себя намного спокойнее оттого, что значительная часть управленцев, представителей имперского правительства – это их земляки.

Селдон задумался. Такое ему и в голову не приходило. «Можно ли считаться великим математиком, – подумал он, – если ничего, кроме математики, не знаешь?»

– А то, о чем ты рассказала, – общеизвестно? – спросил он.

– Наверное, – немного подумав, ответила Дорс. – Хотя... люди стараются не знать больше того, что им положено, и специалисты в конкретной области за ее рамки, как правило, не выбираются и изо всех сил стараются закрыться от информации, которую считают посторонней, ненужной.

– Но ты, тем не менее, *знаешь* об этом.

– Да, но это – моя специальность. Я – историк, специалист по Королевскому Трентору, а ведь именно принципы управления, разработанные в то время, в немалой степени способствовали превращению Королевства в Империю.

Селдон пробормотал, обращаясь больше к самому себе:

– Как опасно разбрасываться... Как будто делаешь надре-

зы на теле знания и оставляешь их кровоточить.

– А что делать? – пожала плечами Дорс. – Но, видишь ли, раз уж Трентор так старательно привлекает провинциалов к обучению в здешних Университетах, он вынужден дать им что-то взамен за то, что люди оторвались от своих корней и попали в незнакомый, чужой мир, где все насквозь искусственное. Я здесь уже два года и до сих пор не привыкла. Может быть, никогда не сумею привыкнуть. Но, с другой стороны, я же не в администраторы готовлюсь, а потому мне нет нужды впитывать тренторианский дух.

И потом, Трентор предлагает взамен не только высокое положение, власть и деньги в перспективе, но еще и свободу. Покуда студенты учатся, они имеют право критиковать правительство, даже устраивать мирные демонстрации протестов, разрабатывать собственные теории, высказывать любые точки зрения. Это выглядит настолько привлекательно, что многие прилетают сюда именно из-за этого – жаждут испытать ощущение свободы.

– А это, – кивнул Селдон, – тоже способ оказания давления. Тут они выпускают весь пар, успевают наиграться в революцию, а к тому времени, когда занимают свое место в имперской иерархии, они уже готовы погрузиться в комфорт, благосостояние и послушание.

– Скорее всего, ты прав, – согласилась Дорс. – Как бы то ни было, правительство делает все возможное для поддержания духа свободы и вольнодумства в Университетах. И это

очень хитрая, очень умная игра.

– Дорс, ты сказала, что не готовишься в администраторы. А кем ты собираешься стать?

– Историком, конечно. Я буду преподавать историю, писать книги и создавать обучающие программы на их материале.

– Положение не слишком высокое, как я понимаю?

– Главное, что мне не светят большие деньги, Гэри, что гораздо более важно. Что же касается положения... Знаешь, это такая чехарда, мне в эти игры влезать совершенно не хочется. Много я повидала людей на высоких постах, да вот счастливых среди них как-то не попадалось. Пост – это не стул, прибитый к полу. Приходится все время следить за тем, чтобы его из-под тебя не выбили. Даже Императорам в этом смысле приходится порой туговато. В один прекрасный день я просто вернусь на Цинну и стану профессором.

– И учеба на Тренторе поможет тебе занять подходящее положение.

Дорс рассмеялась.

– Может быть, да только кому до этого будет дело на Цинне? Это ужасно скучный мир: сплошные фермы и стада скота – четвероногого и двуногого.

– Наверное, после Трентора тебе там покажется еще скучнее.

– Да, я об этом думала. Ну, если заскучаю, я всегда смогу позволить себе попутешествовать и заняться историческими

исследованиями. В этом и состоит преимущество моей профессии.

– А бедному математику, – проговорил Селдон с горечью и сам себе удивился, – только и остается, что сидеть за компьютером и только о компьютере думать и говорить...

Селдон смутился. Завтрак был окончен, и, наверное, у Дорс были намечены какие-то свои планы.

Однако она вроде бы никуда не спешила.

– Ну? Что ты там сказал про компьютеры?

– Ты сможешь раздобыть для меня разрешение поработать в исторической библиотеке?

Теперь настала очередь Дорс растеряться:

– Думаю, это можно будет устроить. Если ты займешься математическим программированием, значит, должность твоя будет – внештатный сотрудник факультета. Я попрошу, чтобы тебе выдали пропуск. Но...

– Но?

– Мне не хотелось бы тебя обидеть, но ты сам сказал, что ты – математик и в истории ничего не понимаешь. Ты уверен, что сможешь разобраться в исторической библиотеке?

Селдон улыбнулся:

– Надеюсь, компьютеры у вас там такие же, как в математической библиотеке?

– Это так, однако программы по любой отрасли науки отличаются своими хитростями. Ты незнаком со справочниками, с методами скоростного поиска. Не сомневаюсь, ты спо-

собен найти гиперболический интервал с завязанными глазами...

– Ты, наверное, хотела сказать «интеграл», – осторожно уточнил Селдон.

– ...но зато, – продолжала Дорс, не обратив никакого внимания на замечание, – на поиск условий мирного договора в Полдарке у тебя уйдет полтора дня.

– Надеюсь, я смогу научиться там работать.

– Научишься, если... – проговорила Дорс, слегка нахмурившись. – Слушай, давай так: я даю тебе недельный инструктаж, по часу каждый день, бесплатно, и обучаю пользоваться библиотекой. Обычно такой инструктаж проводят со студентами-первокурсниками. Надеюсь, твоя гордость не будет слишком сильно уязвлена – то есть ты выдержишь обучение рядом с первокурсниками? Курс начнется через три недели.

– Но ты могла бы дать мне частные уроки, – сказал Селдон почти умоляюще и смутился.

Это не укрылось от Дорс.

– Могла бы, но мне кажется, что тебе лучше будет пройти официальный курс. Занятия будут проводиться в библиотеке, и к концу недели будет нечто вроде экзамена: тебе придется отыскивать информацию по тому или иному вопросу истории. У тебя возникнет нечто вроде соревнования с другими студентами, и это пойдет тебе на пользу. Частные уроки такого эффекта не дадут, поверь. Правда, если ты будешь

отставать от первокурсников, твое самолюбие пострадает. Но не забывай, они уже успели пройти начальный курс истории, в отличие от тебя.

– Да, я такого курса не проходил. Но я не боюсь состязаний и вовсе не возражаю против ударов по самолюбию. Главное – научиться искать информацию по истории.

Селдон понимал, что ему все больше нравится эта женщина, и он с радостью думал о перспективах учиться у нее. Понимал он также, что в его мыслях произошел коренной переворот.

Он обещал Челвику попытаться разработать метод практического применения психоистории, но это обещание дал его разум, а не чувства. Теперь он был готов схватить психоисторию за горло, если понадобится, но во что бы то ни стало внедрить ее в практику. Вероятно, виной такой перемены в его мыслях стала Дорс Венабили.

Но, может быть, Челвик как раз на это и рассчитывал? «Он, – решил Селдон, – не просто выдающийся человек, он гений».

19

Клеон Первый закончил обед – увы, для него и обед являлся делом государственной важности. Это значило, что ему даже во время еды приходилось разговаривать со всевозможными чиновниками, никто из которых ему, кстати гово-

ря, не был знаком. Каждому из них Император обязан был сказать одну-другую одобрительную и ободряющую фразу, тем самым укрепив в сердце каждого верность Империи и короне. Это значило также, что пищу ему подавали остывшую, а когда он наконец приступал к еде, все блюда были холодны как лед.

Клеон страдал и никак не мог придумать способ спасения. Может, стоило сначала обедать в одиночестве или с самыми близкими, а уже потом являться на официальный обед, где бы ему подали... ну, скажем, заморскую грушу? О, как он любил груши... А вдруг тогда высокие гости возьмут и обидятся, решив, что Император брезгует делить с ними трапезу?

Являться с женой? О нет, от нее вреда больше, чем пользы. Когда Клеон взял ее в жены, ее род угасал и, естественно, питал надежды на возрождение за счет союза с Императором. Клеон, однако, надеялся совсем на другое: он очень хотел, чтобы угасла хотя бы та представительница рода, на которой он женился. Он предоставил супруге возможность жить в свое удовольствие на ее половине Дворца и лишь изредка навещал ее для выполнения супружеских обязанностей, хотя в этой роли она ему совсем не нравилась. Теперь же, когда их отношения в этом плане и вовсе прекратились, он совсем перестал навещать к жене.

Клеон разгрыз один из горстки орешков, которые успел прихватить со стола, и крикнул:

– Демерзель!

– Сир?

Демерзель всегда являлся по первому зову. То ли постоянно подслушивал у замочной скважины, то ли старался не уходить далеко, чувствуя, что может понадобиться в любую минуту, – непонятно, однако дело обстояло именно так: он являлся по первому зову, и Клеон ценил это. Правда, бывали случаи, когда Демерзель куда-то удалялся по важным делам, и тогда Клеон страдал от его отсутствия.

– Ну, что там с этим математиком? Запомню, как его зовут.

Демерзель прекрасно понял, кого имеет в виду Император, но решил выждать и выяснить, что Император запомнил, а потому невинно поинтересовался:

– О каком математике вы говорите, сир?

Клеон нервно взмахнул рукой:

– Ну, этот, предсказатель будущего. Тот, который приходил ко мне.

– Тот, за которым мы посылали, сир?

– Ну да, посылали, какая разница? Он же все равно приходил? Ты собирался приглядеть за ним, если не ошибаюсь? Ну и как дела?

Демерзель прокашлялся и сообщил:

– Да, сир, собирался.

– Ага! Собирался, но не приглядел, так?

Как ни странно, Клеон ощутил некоторое злорадное удо-

влетворение. Демерзель был единственным из его министров, которому всегда все удавалось. Остальные, правда, никогда не признавались в неудачах, но оттого, что неудачи сыпались, как горох, исправлять их последствия становилось все труднее. Видимо, Демерзель слишком редко ошибался и потому мог позволить себе быть честным. «Если бы не Демерзель, – подумал Клеон, – я бы и знать не знал, что такое честность».

А еще он подумал: «Наверное, все Императоры прожили жизнь, потонув в море вранья, и именно поэтому Империя...»

Демерзель молчал, и Клеон, прогнав набежавшие мысли, поторопил его с ответом:

– Ну что, ты потерпел фиаско? Говори!

– Да, сир, в некотором роде, – нисколько не смутившись, отвечал Демерзель. – Мне показалось, что оставлять его на Тренторе, где обстановка и так... словом, мне показалось, что он может доставить нам кое-какие проблемы. Можно было бы махнуть на него рукой – ведь он собирался на следующий же день вернуться домой, но мало ли что... вдруг бы он передумал и остался на Тренторе... Словом, я все устроил так, что двое бродяг должны были впихнуть его в звездолет в этот же день.

– Ты что, якшаешься с бродягами, Демерзель? – удивился Клеон.

– Видите ли, сир, приходится. Дела бывают разные, и люди

нужны тоже разные, не только бродяги. Но, увы, им не удалось выполнить мое поручение.

– Это почему же?

– Вы не поверите, сир. Селдон побил их обоих.

– Как? Математики умеют драться?

– По всей видимости, математика и драка – не взаимоисключающие понятия. Вскоре я выяснил, что у себя на родине Селдон в этой области знаменит. То, что я не узнал об этом заранее, сир, и есть моя большая ошибка, и я умоляю вас простить меня за это.

– Полагаю, что математик отправился домой не в этот день, а на следующий, как и собирался?

– К несчастью, этого не произошло. После драки он почему-то решил не возвращаться на Геликон. То ли какой-то прохожий, бывший свидетелем потасовки, дал ему такой совет, то ли... словом, он остался на Тренторе. Таково еще одно осложнение.

Император нахмурился:

– Стало быть, наш математик... как же его зовут-то?

– Селдон. Гэри Селдон.

– Стало быть, этот Селдон теперь недосыгаем?

– В каком-то роде, сир, в каком-то роде... Мы за ним проследили. В данное время он находится в Стрилингском Университете. Там он в неприкосновенности.

Император фыркнул, лицо его покраснело.

– До чего же я терпеть не могу это слово – «неприкосно-

венность»! Не должно в Империи быть таких уголков, куда бы не дотянулись наши руки! А ты мне заявляешь, что прямо здесь, на Тренторе, кто-то пребывает в неприкосновенности! Возмутительно!

– До Университета ваши руки, сир, могут дотянуться. Как только захотите, можете послать туда войска и выдернуть оттуда этого Селдона. Однако это... гм-м-м... нежелательно.

– Ты еще скажи «неосуществимо», Демерзель! Ты мне сейчас как раз этого самого математика напоминаешь. Точно так же он разглагольствовал о предсказании будущего. «Возможно, но неосуществимо». Что же я за Император? Все могу в принципе, а на самом деле не могу ничего! Не забывай, Демерзель, если до Селдона добраться невозможно, то до тебя как раз-таки очень легко!

Последнюю фразу Демерзель молча проглотил. Он, «человек, стоящий за тронem», прекрасно знал, что Императору без него не обойтись, и подобные угрозы слышал уже не раз. Он молчал и ждал, пока страсти улягутся. Побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику кресла, Клеон спросил:

– Ну ладно, какой нам прок от этого математика, если он попал в Стрилингский Университет?

– Как ни странно, сир, нет худа без добра. Весьма вероятно, что именно в Университете он решит поработать над своей психоисторией.

– Да? Несмотря на то что с пеной у рта утверждает, что ее

нельзя применить на практике?

– Он может ошибаться и может понять, что ошибается. А как только он это поймет, мы предпримем попытку выцарапать его из Университета. Очень может быть, что он сам нас об этом попросит.

Император глубоко задумался.

– А что, если кому-то взбредет в голову, – спросил он после паузы, – выцарапать его оттуда раньше нас?

– Кому же это может взбрести в голову, сир? – тихо спросил Демерзель.

– Да хотя бы мэру Сэтчема, если на то пошло! – рявкнул Клеон. – Он до сих пор лелеет мечту захватить власть над Империей!

– Он постарел, сир. Пороху не хватит.

– Не обольщайся, Демерзель.

– Но у нас нет никаких причин полагать, что он вообще интересуется Селдоном. Скорее всего, он и знать о нем не знает.

– Ну-ну, Демерзель. Раз мы знаем о докладе Селдона, почему бы в Сэтчеме о нем не слышали? Раз мы понимаем, что Селдон – не пешка, почему бы этого не понимали в Сэтчеме?

– Если до этого дойдет... Нет, если появится хоть какая-то опасность, сир, мы успеем принять серьезные меры.

– Насколько серьезные?

Демерзель осторожно проговорил:

– Скажем так, сир: чем отдавать Селдона в Сэтчем, лучше

сделать так, чтобы он не достался никому. Лучше прекратить его существование.

– То есть убить?

– Если вам так больше нравится, сир, – с поклоном ответил Демерзель.

20

Гэри Селдон раздраженно откинулся на спинку кресла, стоявшего в алькове его новой комнаты, выделенной для него стараниями Дорс Венабили. Настроение у него было самое паршивое.

«Паршивое настроение» – так он сам определил свое состояние, а на самом деле все обстояло гораздо хуже – он был просто в бешенстве. А самое главное – он не понимал, из-за чего именно. Из-за того, что узнал об истории? Из-за творцов и компиляторов этой самой истории? Или причиной его ярости стали миры и люди, создавшие историю?

Однако, видимо, дело было не в том, на кого он изливал свой гнев. Главное – все его заметки оказались абсолютно бесполезны, новообретенные знания – тоже, все бесполезно, все!

Он находился в Университете целых шесть недель. За компьютер он засел с самого начала и сразу начал работать – без всяких инструкций, полагаясь только на собственную интуицию, развившуюся в течение многолетней рабо-

ты. Работал он медленно, часто спотыкался, но находил даже некоторое удовольствие в том, что до всего доходил сам и сам отыскивал ответы на поставленные вопросы.

Потом начались занятия под руководством Дорс, которые принесли ему немало полезного, но понервничать заставили не на шутку. Во-первых, его смущали взгляды, которые на него бросали студенты. Их, по всей вероятности, забавлял возраст Селдона, и всякий раз, когда Дорс, обращаясь к нему, называла его «доктором», многие усмехались.

– А я нарочно это подчеркиваю, – объявила Дорс. – Не хочешь же ты, чтобы они тебя считали двоечником, вечным студентом, который никак не может ликвидировать задолженность по истории?

– Ты наверняка преувеличиваешь. Может быть, они вовсе так не думают. Мне кажется, ты могла бы меня просто Селдоном называть.

– Нет, – покачала головой Дорс и неожиданно улыбнулась. – И потом, мне самой нравится, как звучит «доктор Селдон». Ужасно забавно смотреть, как ты всякий раз морщишься.

– У тебя извращенное чувство юмора. Садистское.

– Хочешь меня перевоспитать?

Селдон, сам не зная почему, рассмеялся. Конечно, кому приятно, когда тебя обзывают садистом? Но ему понравилось, как Дорс парировала его атаку. Немного подумав, он спросил:

– Послушай, у вас в Университете в теннис играют?

– Карты есть, но я сама не играю.

– Отлично. Поиграй со мной, и, пока будем играть, я буду называть тебя «профессор Венабили».

– Но ты так и обращаешься ко мне на занятиях!

– А ты посмотришь, как это замечательно будет звучать на теннисном корте.

– А вдруг мне понравится?

– Тогда я придумаю что-нибудь еще... Не думаю, чтобы такое обращение понравилось тебе во всех обстоятельствах.

– У тебя тоже специфическое чувство юмора. Непристойное.

– Хочешь меня перевоспитать? – продолжил обмен ударами Селдон.

Она только улыбнулась в ответ. Потом, когда они встретились на теннисном корте, оказалось, что Дорс играет совсем недурно.

– Ты действительно раньше не играла? – спросил Селдон после первой партии.

– Ни разу, – ответила Дорс.

Остальные переживания носили более или менее личный характер. Познакомившись с элементарной методикой исторического поиска, Селдон проклял все свои предыдущие попытки самостоятельно поработать с компьютером. Оказалось, что поиск информации по истории требует в корне иного подхода, чем тот, который он привык применять в матема-

тике. И тут и там большую роль играла логика, однако в историческом поиске логика была нужна совсем другая, не такая, какой привык пользоваться Селдон.

Но как бы то ни было – и до инструктажа, и после него, быстро ли он работал или спотыкался на каждом шагу, – никаких результатов, просто никаких!

Он нервничал, и это чувствовалось даже на теннисном корте. Дорс довольно скоро освоилась, и он перестал посылать ей легкие мячи, давая время на обдумывание. Совершенно позабыв, что перед ним – новичок, Селдон разошелся и принялся осыпать Дорс резаными ударами, вкладывая в них всю переполнявшую его злость.

Дорс подошла к сетке и сказала:

– Я понимаю, тебе хочется убить меня. Видимо, тебя жутко злит, что я так часто пропускаю мячи. Ну и что же ты промазал, в таком случае? Последний мяч пролетел в трех сантиметрах от моей головы. Целься получше, что же ты?

Селдон смутился, забормотал что-то невнятное.

– Слушай, – сказала Дорс. – Пожалуй, на сегодня хватит. Давай-ка примем душ и пойдем выпьем чаю или еще чего-нибудь, и ты мне расскажешь, кого ты на самом деле хотел убить. Если ты целился не в мою бедную головушку, надо выяснить, в кого ты целился. Иначе я не стану больше играть с тобой. Мне страшно, честное слово.

За чаем Селдон признался:

– Дорс, я успел много чего просмотреть по истории. По-

ка я только просматривал материал, не углублялся. И, тем не менее, некоторые вещи стали очевидны. Во всех книгах речь идет примерно об одних и тех же событиях.

– Поворотных, ты хочешь сказать. Тех, на которых зиждется история.

– Ну, разве что так. Как будто все друг у друга списывали. В Галактике – двадцать пять миллионов миров. А в книгах упоминается, дай бог, двадцать пять.

– Видимо, дело в том, – предположила Дорс, – что ты читаешь книги по всеобщей истории. Загляни в исторические хроники отдельных миров. Ведь в каждом мире, каким бы маленьким он ни был, дети в школе учат родную историю и только потом узнают, что живут в огромной Галактике. Разве ты сам не знаешь сейчас больше о Геликоне, чем об истории расцвета Трентора или о хронике Великой Межзвездной Войны?

– Такие знания тоже грешат ограниченностью, – возразил Селдон. – Мне знакома география Геликона, история его заселения, история борьбы с ближайшими врагами – планетой Дженнисек. Учителя, правда, их врагами называть избегали, предпочитая называть «соперниками». Но я никогда не слышал о том, чтобы Геликон внес хоть какой-то вклад в общегалактическую историю.

– Но, может быть, и на самом деле никакого вклада не было?

– Не надо, Дорс. Наверняка был. Может быть, Геликон

и правда не принимал участия в крупных космических сражениях, может быть, там не было многолюдных восстаний, может быть, представители моей планеты не подписывали глобальных мирных договоров. Может быть, Геликон не стал ареной борьбы за создание там имперской базы. Но какое-то влияние Геликон *должен был* оказать. Хоть какое-то! Что бы и где бы ни происходило, это обязательно как-то отражается в других местах. А я никак не могу отыскать информацию, которая помогла бы мне... Вот посмотри, Дорс: возьмем математику. Все знания, накопленные человечеством за двадцать тысячелетий, можно отыскать с помощью компьютера. В истории все обстоит иначе. Историки копаются в знаниях и выбирают из них, но что самое поразительное, все выбирают одно и то же.

– Но, Гэри, – возразила Дорс, – математику придумали люди, и в этой науке все повинуетя строгому, непререкаемому порядку. Одно следует из другого. Существуют определения, аксиомы, и все они всем известны. История – дело другое. В ней сконцентрированы поступки и мысли миллиардов человеческих существ. Историки не могут работать иначе. Такая у нас работа – копаться и выбирать.

– Пусть так, – кивнул Селдон. – Но я обязан изучить *всю* историю, в противном случае мне никогда не удастся разработать законы психоистории.

– В таком случае, ты их никогда не разработаешь.

Разговор этот произошёл вчера. И вот теперь Селдон си-

дел у себя в комнате. Еще один день потрачен впустую, а в ушах все время звучала сакраментальная фраза Дорс: «В таком случае, ты их никогда не разработаешь».

Собственно, таковы были его убеждения с самого начала, и если бы Челвик не убеждал его так страстно в обратном, если бы не разжег с такой силой в душе Селдона сомнения, Селдон до сих пор бы думал именно так.

Что же теперь? Почему сомнения до сих пор мучили его? Почему он так упорно искал ответа? Искал, но найти никак не мог.

Глава 5

Наверху

ТРЕНТОР. Крайне редки его описания снаружи, с орбиты. Трентор с давних времен представлялся людям миром внутренним, то есть таким, каким видели этот мир его обитатели. Однако внешняя поверхность Трентора существовала: до сих пор сохранились голографические снимки планеты, сделанные из космоса, и на них видны отдельные детали (см. рис. 14 и 15). Обратите внимание на то, что поверхность куполов, контуры большого города и слой атмосферы – то самое, что в те времена именовали «Верхом», это...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

21

И все-таки на следующий день Гэри Селдон снова отправился в библиотеку. Во-первых, потому, что дал обещание Челвику. Он обещал попробовать и просто не мог бросить начатое дело на полпути. Во-вторых, он и самому себе был кое-что должен. Ему не хотелось признавать собственное поражение. По крайней мере, пока. Нужно было идти до конца.

Итак, он углубился в просматривание каталога справочных изданий, в которые пока не успел заглянуть, и гадал, какие из них (а их было неисчислимое множество) могут пролить хоть какой-то свет на мучившие его вопросы. Он уже был готов начать просматривать все справочники один за другим, когда в стену кабинки кто-то тихо постучал.

Селдон оторвал взгляд от терминала и увидел смущенную физиономию Лисунга Ранды, который глядел на него из-за перегородки. Селдон знал Ранду, их познакомила Дорс. Пару раз они вместе обедали.

Ранда, преподаватель психологии, был человеком невысокого роста, полным, круглолицым. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. Кожа – желтоватого оттенка, глаза – узкие. Такая внешность, широко распространенная по всей Галактике, была Селдону не в новинку. Многие из великих математиков были родом из таких миров, и Селдон видел их голографические снимки. Правда, на Геликоне ни с кем из Восточников, как их называли, он лично знаком не был. Да-да, их все называли именно Восточниками, хотя никто не знал почему. Сами они не слишком радовались этому прозвищу, но опять-таки никто не знал почему.

– На Тренторе нас миллионы, – дружелюбно улыбаясь, сообщил Ранда в день их знакомства, когда Селдону при всем старании не удалось скрыть удивления. – Тут и Южан полно – темнокожих, курчавых. Видел Южан?

– На Геликоне – нет, – признался Селдон.

– На Геликоне – одни Западники, да? Вот скучища! Ну, это ладно. По мне, так все хороши.

После этого разговора Селдон задумался о том, почему существуют Восточники, Западники и Южане, но совершенно нет Северян. Он даже покопался на этот счет в справочниках, но ответа не нашел.

И вот теперь Ранда, всегда такой веселый, разглядывал Селдона с явной озабоченностью.

– Ты в порядке, Селдон? – спросил он.

– В порядке, – ответил Селдон. – А что?

– Да нет, ничего такого. Просто ты кричал.

– Я? Кричал? – недоверчиво поинтересовался Селдон.

– Не очень громко. Вот так примерно. – Ранда стиснул зубы и издал высокий гортанный звук. – Если я ошибаюсь, прости, что помешал.

Селдон опустил голову:

– Ничего, Ранда, не извиняйся. Я и правда иногда издаю такие звуки, мне уже говорили. Ей-богу, бессознательно. Сам не замечаю.

– А почему, понимаешь?

– Почему? О, понимаю, конечно. От расстройства. От разочарования!

Ранда наклонился поближе и произнес вполголоса:

– Мы мешаем людям. Давай выйдем в вестибюль, пока нам не сделали замечания. Пойдем перекусим, что ли?

В кафе, после пары стаканов прохладительных напитков,

Ранда спросил:

– Позволь задать тебе профессиональный вопрос: какова причина твоего разочарования?

– Причина разочарования? – пожал плечами Селдон. – Как у всех, наверное. Работаю, работаю, а результатов – ноль.

– Но ты же математик, Гэри. К чему тебе разочаровываться в исторической библиотеке?

– А ты там что делал?

– Я? Мимо проходил и услышал, как ты... стонешь. Ну, значит, судьба мне была там оказаться. И я не жалею об этом.

– Хотел бы я тоже просто проходить мимо... Видишь ли, дело в том, что я решаю одну математическую задачу: для ее решения необходимы кое-какие знания по истории, а у меня, боюсь, не очень-то хорошо идут дела.

Ранда посмотрел на Селдона с необычной серьезностью и сказал:

– Прости, если обижу, но... я просмотрел твое компьютерное досье.

– Мое досье? – воскликнул Селдон и покраснел. Похоже, он и вправду обиделся и рассердился.

– Ну вот, я тебя все-таки обидел... погоди, не сердись. Понимаешь, у меня дядя – математик. Может, слышал о таком: Кьяньто Ранда?

У Селдона дыхание перехватило:

– Правда? Он твой родственник?

– Да. Старший брат отца. Ужасно огорчился, что я не по-

шел по его стопам, ведь своих детей у него не было. Вот я подумал... наверное, он был бы рад узнать, что я подружился с математиком. Так хотелось похвастаться, понимаешь? Ну, вот я и решил покопаться в математической библиотеке, разузнать о тебе побольше.

– Ясно. А теперь уж моя очередь прощения просить. Хвастать тебе особенно не придется.

– А вот и нет! Я, конечно, ни слова не понял из того, о чем говорится в твоих работах, но их хвалят. А когда я просмотрел колонки новостей, то выяснил, что ты выступал на последнем Декадном конгрессе. Ну вот. Кстати, а что такое «психоистория»? Меня, конечно, прежде всего интересуют два первых слога.

– Понятно. Это словечко бросилось тебе в глаза.

– Да, и если я не круглый дурак, мне показалось, что ты можешь предсказать будущее течение истории.

Селдон устало кивнул:

– Ну, в общем и целом, это и есть то, что представляет собой психоистория, вернее – должна представлять.

– И это серьезно? – улыбнулся Ранда. – Не игра в «счастливый билетик»?

– Какой билетик?

– Ну, у меня на родине есть такая детская игра в предсказание будущего. Если будешь похитрее, можно здорово нажитья. Скажи, к примеру, какой-нибудь мамаше, что ее сынок разбогатеет, вырастет красавцем, и можешь быть уве-

рен – отхватишь кусок пирога, а то и монетку в полкредитки. Мамаше совершенно не важно, будет так или не будет, ей одного обещания за глаза хватает.

– Понятно. Нет, никаких таких билетиков. Психоистория – чисто абстрактная наука. Исключительно абстрактная. Никакого практического применения у нее нет, за исключением...

– Ну, ну! Исключения – это всегда самое интересное.

– Ну, в общем, мне бы хотелось придумать для нее применение. Может быть, если бы я лучше знал историю...

– А-а-а... Так ты поэтому закопался в историю?

– Ну да. Только толку – чуть, – грустно кивнул Селдон. – История – совершенно необъятная штука, а правды в ней так мало.

– И это вызывает у тебя разочарование?

Селдон снова кивнул.

– Но, Гэри, ведь ты здесь всего несколько недель!

– Да, но все равно мне уже понятно...

– Ничего тебе не может быть понятно за несколько недель. Можно всю жизнь проработать и ничего не добиться. Да что там... Целые поколения математиков должны трудиться над этой проблемой...

– Лисунг, я отлично это понимаю, но мне от этого не легче. Мне обязательно нужно чего-нибудь добиться самому.

– Самоистязание ничего не даст. Может быть, тебе станет хоть немножко легче, если я приведу тебе пример. Есть один

вопрос, над которым здесь бьются уже незнамо сколько времени, и тоже без толку. Казалось бы, вопрос намного проще, чем история человечества. Мне эта работа хорошо знакома, поскольку проводится здесь, в Университете, и в ней принимают участие мои близкие друзья. А ты – «разочарование»! Знал бы ты, что такое разочарование!

– И что за проблема? – с любопытством поинтересовался Селдон.

– Метеорология.

– Метеорология? – не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Селдон.

– Да-да, не удивляйся и не смейся. Метеорология. Вот послушай: у каждого из обитаемых миров есть атмосфера. В каждом мире свой собственный состав атмосферы, своя температура, свой период обращения вокруг оси и светила, свой наклон оси вращения, свое соотношение поверхности суши и воды. Двадцать пять миллионов – вот такое разнообразие, и обобщить параметры еще никому до сих пор не удалось.

– Это из-за того, что состояние атмосферы сильно подвержено хаотическим изменениям. Дураку ясно.

– Точно так же говорит мой приятель, Дженнар Лег-ген. Да ты с ним знаком.

Селдон задумался, вспоминая:

– Высокий такой? Длинноногий? Молчун?

– Он самый... Ну, так вот. И Трентор в этом смысле еще

более загадочен, чем все остальные миры. Судя по тому, что о нем написано, во время его заселения климат был более или менее обычным. Затем, по мере роста населения, расширения урбанизации, увеличилось потребление энергии, и в атмосферу стало выбрасываться больше тепла. Ледяной слой подтаял, облачный истончился, и погода стала неустойчивой. Это и вызвало стремление уйти под землю и тем самым обезопасить себя от капризов климата, выбраться из порочного круга. Но, что самое удивительное, круг стал еще более порочным. Чем яростнее люди закапывались под землю и чем больше возводили куполов, тем хуже становился климат. Теперь над поверхностью почти постоянно собираются тучи и идет то дождь, то снег, в зависимости от температуры. И, что самое ужасное, никто не в состоянии этого объяснить. До сих пор никто не анализировал причин такого страшного ухудшения климата, не пытался прогнозировать ежедневные перемены погоды.

– Ну и что? – пожал плечами Селдон. – Разве это так важно?

– Для метеоролога – да. Почему бы им тоже не расстроиться, не впасть в отчаяние? Так что ты не одинок, есть у тебя товарищи по несчастью.

Тут Селдону пришло на память затянутое тучами небо по дороге к Дворцу Императора и пронизывающий холод.

– Ну и что же они предпринимают? – спросил он.

– Здесь, в Университете, разрабатывается глобальный

проект, и Дженнар Легген участвует в его разработке. Те, кто работает над этим проектом, считают, что, если им удастся понять причину перемен в климате Трентора, они узнают многое о фундаментальных законах метеорологии в целом. Легген жаждет этого не меньше, чем ты стремишься к выведению законов своей психоистории. В общем, он наставил целую уйму приборов и инструментов наверху – на поверхности куполов, понимаешь? Пока он ничего не добился. Ну и представь: целые поколения ломают голову над состоянием атмосферы и никак не могут получить желаемых результатов, а ты покопался в истории человечества какие-то несколько недель и уже жалуешься?

«А ведь Ранда прав, – подумал Селдон. – Я тороплюсь с выводами. Что сказал бы Челвик? Он сказал бы, что вся эта безрезультатная возня вокруг самых разных научных проблем – не что иное, как проявление общего упадка в науке. Наверное, он недалек от истины, но судит слишком общо, все усредняет». А Селдон пока никак не мог пожаловаться на умственное бессилие и упадок сил.

Не скрывая интереса, он спросил:

– Ты хочешь сказать, что метеорологи выбираютя наружу, под открытое небо?

– Ага. Наверх. Это довольно забавно. Большинство коренных тренторианцев ни за что не полезли бы туда. Они не любят выбираться наверх. Говорят, будто у них там головы кружатся и все такое прочее. Так что над метеорологическим

проектом работают в основном не местные.

Селдон бросил взгляд за окно. Лужайки и небольшой сад университетского кампуса весело зеленели, озаренные искусственным светом, не дававшим тени и палящего зноя.

– Не знаю, – проговорил он задумчиво, – я не склонен винить тренторианцев за любовь к комфорту и безопасности житья под куполами, но мне кажется, что кто-то мог бы забраться наверх из одного любопытства. Я, по крайней мере, не удержался бы.

– Хочешь увидеть метеорологию в действии?

– Не отказался бы. А как попадают наверх?

– Без проблем. Лифтом. Лифт поднимается, дверь открывается, вот и все. Мне довелось там побывать. Довольно-таки... забавно.

– Может быть, это помогло бы мне немного отвлечься от психоистории? – вздохнул Селдон. – Было бы неплохо.

– Возможно, – кивнул Ранда. – И потом... Знаешь, как-то мой дядюшка изрек: «Знания едины». Не исключено, что он был прав. Вдруг ты что-то такое узнаешь из метеорологии, что поможет тебе в работе над психоисторией. Разве это так уж невероятно?

Селдон кисло улыбнулся.

– Много на свете вероятного... – «Но далеко не все осуществимо», – добавил он про себя.

– С метеорологами? – удивилась Дорс.

– Да, – кивнул Селдон. – У них на завтра запланирована работа, и я собираюсь наверх вместе с ними.

– Что, устал от истории?

Селдон понурился:

– Есть немного. Нужно встряхнуться. И потом, Ранда утверждает, что у метеорологов тоже есть проблема, которая не по зубам математикам, так что, может быть, мне полезно будет убедиться в том, что я не одинок.

– Надеюсь, ты не страдаешь агорафобией?

– Нет, – улыбнулся Селдон. – И вопрос твой мне понятен. Ранда сказал, будто тренторианцы потому не любят подниматься наверх, что якобы почти все поголовно боятся высоты. А я думаю, они просто плохо чувствуют себя там без привычного «потолка».

Дорс кивнула:

– Ты сам посмотришь и убедишься, что более естественно. Но не забывай, что тренторианцы разбросаны по всей Галактике – туристы, администраторы, солдаты. В других мирах агорафобия тоже нередко встречается.

– Наверное, Дорс, но только я ею не страдаю. Мне просто любопытно и нужно сменить обстановку, поэтому я обязательно пойду с ними завтра.

Дорс, похоже, растерялась:

– Надо бы мне тоже пойти с тобой, но у меня завтра все расписано по часам. Ну да ладно, если ты действительно не агорафоб, может быть, все сойдет нормально. Не исключено, что тебе там даже понравится. Да, только, пожалуйста, не отходи далеко от метеорологов. Я слыхала, бывали случаи... кто-то там заблудился, что ли.

– Обещаю, буду осторожен. Вообще со мной такого не случается.

23

Дженнар Легген производил впечатление человека мрачного, угрюмого. Дело было не в цвете лица – лицо у него было светлокожее, открытое. И не в густых кустистых бровях. Может быть, в глубоко посаженных глазах и длинном крючковатом носе. В общем, выражение лица у него было какое-то печальное. Он почти никогда не улыбался, говорил крайне редко, и его глубокий голос никак не вязался с тщедушностью фигуры.

– Селдон, вам понадобится более теплая одежда, – сказал он.

– О! – растерянно воскликнул Селдон и оглянулся. Еще четверо метеорологов – двое мужчин и две женщины – собирались подняться наверх вместе с Леггеном и Селдоном. Все четверо и сам Легген действительно были одеты намного

плотнее, чем обычно: поверх легкой тренторианской одежды все натянули толстые свитера, яркие и у всех разные.

Селдон смущенно оглядел себя:

– Простите, я не знал, но у меня все равно нет ничего подходящего.

– Погодите, вроде бы у меня найдется для вас свитер... да, вот он. Не с иголки, но все-таки лучше, чем ничего.

– Но ведь ужасно жарко, наверное, в таких свитерах? – спросил Селдон, облачившись в одолженный Леггеном свитер.

– Это здесь, – объяснил Легген. – Наверху все иначе. Холод и ветер. Жаль, но лишних гетр и теплых ботинок у меня не найдется. А они бы тоже не помешали.

Метеорологи набрали с собой целую тележку разных приборов и теперь проверяли их один за другим – на взгляд Селдона, жутко медленно.

– Ваша родная планета холодная? – спросил Легген.

– Местами – да, – ответил Селдон. – В тех краях Геликона, где я жил, климат мягкий, часто идет дождь.

– Плоховато. Значит, вам наверху не понравится.

– Переживу как-нибудь, надеюсь.

Как только все было готово, группа направилась к лифту, на двери которого красовалась табличка: «Посторонним вход воспрещен. Только для служебного пользования».

– Это потому, что лифт идет наверх, – объяснила Селдону одна из женщин. – Наверх просто так, от нечего делать,

никто не ездит.

Селдон раньше с этой женщиной не встречался, но коллеги называли ее Клозией. Он не понял, имя это, фамилия или прозвище.

Лифт как лифт, ничего особенного, Селдон на таких ездил много раз, и не только на Тренторе, а и на Геликоне, но само чувство, что этот лифт вывезет его за пределы закрытого пространства, на поверхность, создавало у Селдона ощущение, будто он летит на космическом корабле.

Селдон мысленно усмехнулся. «Какая глупость», – подумал он.

Кабина слегка подрагивала, и Селдон вспомнил разглагольствования Челвика относительно упадка в технике. Легген, двое мужчин и одна из женщин застыли, как каменные, будто берегли энергию для работы наверху, а Клозия разглядывала Селдона с нескрываемым интересом.

Селдон наклонился к самому ее уху и прошептал:

– И высоко мы поднимемся?

– Высоко? – громко переспросила она бесцеремонно. Выглядела она очень молодо. «Аспирантка, наверное, – решил Селдон. – Или практикантка».

– Просто... мы уже так долго едем. Что, наверху много этажей?

Она не сразу нашлась, что ответить.

– О нет. Не так уж высоко. Просто Университет низко расположен. Понимаете, мы поедаем уйму энергии, а чем ниже,

тем она дешевле.

Тут Легген сообщил:

– Порядок. Прибыли. Давайте вынесем оборудование.

Кабина вздрогнула и остановилась, широкая дверь отползла в сторону. Сразу стало холодно, и Селдон машинально сунул руки в карманы, мысленно поблагодарив Леггена за свитер. Холодный ветер растрепал его волосы, и Селдон пожалел, что не захватил никакого головного убора. Легген вытащил из рукава вязаную шапочку и натянул на голову. То же самое проделали и все остальные.

Все, да не все. Клозия собралась было надеть шапочку, но передумала и протянула ее Селдону.

Селдон отрицательно покачал головой:

– Нет-нет, Клозия, не надо.

– Не стесняйтесь, берите и надевайте. У меня длинные волосы, густые, я не замерзну, а у вас – короткие и... не такие густые.

В другое время Селдон обязательно поспорил бы и насчет волос, и насчет шапочки. Но делать было нечего. Он взял шапку, неуклюже натянул ее на голову и пробормотал:

– Спасибо. Если замерзнете, я вам сразу верну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.